СОЧИНЕНИЕ XIV в. "ГУЛИСТАН БИТ-ТЮРКИ" СЕЙФА САРАЙИ

К истории публикации и изучения памятника

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

В 1915 г. турецкий журнал "Милли теттебулар меджмуасы" [79, с.133], ссылаясь на сообщение венгерского ученого И.Тори, известил своих читателей о найденном в Голландии наиболее старом из известных переводов на тюркский язык поэмы "Гулистан" шейха Саади.

В 1950 г. участник Амстердамской Международной конференции историков медицины проф. Ф.Н.Узлук в библиотеке Лейденского университета познакомился с этой рукописью (№ 1553), снял с нее фотокопию и в 1954 г. опубликовал факсимиле рукописи в Анкаре с кратким предисловием и небольшим историческим экскурсом. Техника издания несовершенна. Многие страницы не отчетливы, некоторые слова, строки или целые бейты не поддаются расшифровке и читаются с большим трудом; страницы рукописи перепутаны, из-за чего эпизоды одного и того же рассказа оказались в различных главах. Все это привело к тому, что опубликованным факсимиле невозможно пользоваться без предварительной исследовательской работы по сличению текста рукописи с персидским оригиналом. Поэтому, прежде чем приступить к исследованию памятника, автору настоящей работы пришлось составить своего рода "ключ" к правильному чтению[1].

Рукопись в целом хорошо сохранилась. Однако в ней много дефектов: отсутствие диакритических знаков, а иногда и частей слова, ошибочные начертания. Все это создает дополнительные затруднения при чтении. К тому же отметим неустойчивость орфографии и неправильное написание некоторых арабских слов. К концу рукописи текст становится еще более неразборчивым, и ценное приложение к рукописи, состоящее из стихов неизвестных нам тюркоязычных поэтов и ответов на них Сейфа Сарайи, с трудом поддается чтению, а многие слова невозможно восстановить; последние же страницы расшифровать не удалось.

---

[1] С глубокой благодарностью и признательностью отмечаем, что покойный ныне польский востоковед акад. А.Зайончковский прислал нам более краткий, чем наш, ключ.

Рукопись состоит из 372 страниц, на каждой из которых по 13 строк. Она написана рукой хорошего каллиграфа, почерком, который носит название "мамлюкский насх". По словам проф. Ф.Н.Узлука, текст написан на сирийской шелковой бумаге кремового цвета и, как он полагает, рукой самого поэта.

На первой странице помещены семь различных стихотворений на персидском и тюркском языках, написаны они разными почерками и принадлежат, по-видимому, перу разных поэтов. Первое четверостишие принадлежит перу Махмуда Гулистани и посвящено приезду в Египет царевича Ахмада.

Кем же был царевич Ахмад?

Скорее всего, речь идет о джалаириде султане Ахмаде, правителе Азербайджана. Султан Ахмад, правивший с перерывами с 1382 по 1410 г., был наиболее мрачной фигурой этой династии. Как известно, разгромленный в 1385 г. Тимуром царевич Ахмад с 1393 г. находился с мамлюкском Египте. Арабский Ирак входил в состав государства джалаиридов. В одном из четверостиший Сейфа Сарайи речь идет о султане Ирака, который прибыл в Египет как чужестранец. Можно думать, в этом случае имеется в виду именно правитель Азербайджана — джалаирид Ахмад.

Посвящение специального четверостишия азербайджанскому царевичу наводит на мысль, что поэт, по-видимому, был тесно связан с азербайджанскими литературными кругами.

На третьей странице (второй лист) рукописи на шести строках текст, написанный крупными буквами, сообщает, что данный перевод "Гулистана" сделан выходцем из Сарайя Сейфом и посвящен эмиру Тейхасу.

С четвертой страницы начинается перевод "Гулистана" шейха Саади. Однако после первой части текста оригинала, посвященной славословию бога и описанию природы, поэт сразу вводит свои оригинальные стихи, посвященные наступлению весны.

После перевода четверостишия Саади поэт прерывает перевод оригинала и на с.10—11, написанных рифмованной прозой, объясняет причину, побудившую его взяться за перевод. На с.11—14 помещено 87 бейтов, которые принадлежат также самому Сейфу Сарайи и имеют большую ценность как оригинальные стихи поэта. Из этих фрагментов мы узнаем, что Сейф Сарайи перевел "Гулистан" Саади по совету друзей для того, чтобы сохранить для истории имя хаджиб ал-худжаба египетского двора Тейхаса-бека, а также, что поэт — чужестранец в Египте.

После перевода рассказа-введения опущен текст, посвященный прославлению повелителей Ирана, и стихи оригинала, излагающие причины написания "Гулистана". Перевод кончается на с.355.

На с.355—356 помещен оригинальный стихотворный фрагмент поэта из 13 бейтов, содержащий дату завершения перевода. Текст читается с большим трудом.

Как видно из этого заключительного фрагмента, ко времени завершения перевода "Гулистана" шейха Саади Сейфу

Сарайи было семьдесят лет. Это было в месяце шаввал 793 г.х., что соответствует августу 1391 г. н.э. Следовательно, поэт родился в 1321 г. во время правления Узбек-хана (1312—1342), в период расцвета Золотой Орды, а в период феодальной смуты в Орде оказался далеко от родины, в Египте, где и провел последние годы своей жизни.

В настоящее время как сам памятник, так и его язык не изучены в достаточной степени. В Узбекистане часто упоминается имя Сейфа Сарайи как автора перевода "Гулистана" Саади; в 1959 г. были опубликованы две газели Сейфа Сарайи [37] с неверным указанием на то, что они заимствованы из предисловия к переводу "Гулистана" Саади. На самом деле ни одна из этих газелей не имеет отношения к предисловию перевода, которое, кстати, и не существует.

Наиболее полно были освещены вопросы о переводе "Гулистана" и его языке в статье А.Баттал-Таймаса [48]. Анализируя отдельные языковые факты, автор приходит к выводу, что в основе языка памятника лежит кыпчакский язык. Эта статья остается единственной, в которой был подвергнут краткому обзору язык перевода[2].

"Гулистан" Сейфа Сарайи является не переводом с персидского в прямом смысле, а его своеобразным переложением. Автор перевода то сокращает, то добавляет, то просто излагает содержание, то предлагает почти дословный перевод оригинала. А.Баттал-Таймас считает, что это обусловлено недостаточно высоким мастерством Сейфа Сарайи. С этим столь категоричным утверждением нельзя согласиться по ряду причин. Одна из них, возможно, та, что в распоряжении поэта могла быть неполноценная копия "Гулистана" Саади.

Известно, что многие произведения (в том числе и Алишера Навои) были распространены в нескольких авторских редакциях еще при жизни самих авторов. Многие стихи "Гулистана" Саади были написаны еще до оформления произведения в целом и вставлены автором впоследствии.

Искажения в персидском оригинале могли появиться и в процессе переписывания. Ведь не секрет, что иногда переписчик даже не знал языка оригинала. На это справедливо указывает Р.М.Алиев в предисловии к критическому тексту "Гулистана" Саади [1, с.8]. Это подметил в свое время еще и А.Е.Крымский [17, с.439]. Поэтому очень трудно судить о качестве перевода.

Вольные переводы широко были распространены не только в средневековье. Некоторые оригинальные и переводные поэтические и прозаические отрывки из анализируемого памятника показывают, что Сейф Сарайи был замечательным

---

[2] В "Acta Orientalia" [11, с.23-30] появилась статья А.Бодроглигети "Золотоордынская народная песня", в которой анализируется четверостишие, помещенное на полях с.185 "Гулистана", как единственный фрагмент фольклора Золотой Орды.

мастером художественного слова, в совершенстве владевшим прекрасным простым и понятным народу языком. Творчески видоизменяя, расширяя или вставляя в начало или конец стихотворения Саади собственные бейты, Сейф Сарайи часто заключает в них свой тахаллус — литературный псевдоним. Стихи с тахаллусом переводчика мы встречаем на с.159, 261, 274 и т.д.

Стихотворные вставки Сейфа Сарайи обычно носят назидательный характер.

О ЯЗЫКЕ "ГУЛИСТАНА"

Язык перевода прост и общедоступен. В этом заключается его отличие от произведений многих поэтов последующих веков. В языке перевода "Гулистана" встречаются архаические элементы. Поэт не злоупотребляет арабскими и персидскими словами, тем более арабско-персидскими оборотами, непонятными массовому читателю. Как видно из материала, приведенного ниже, многие слова имеют разные фонетические варианты, что может свидетельствовать о разноплеменном составе населения, среди которого жил и творил поэт. Литературный язык, сложившийся в такой среде, где представители кыпчакской языковой стихии испытывали влияние различных огузских племенных языков, на первом этапе своего становления и не мог быть иным. Как мы отметили выше, А.Баттал-Таймас указывал, что язык "Гулистана" Сейфа Сарайи является кыпчакским. Уточняя это положение, добавим, что это был кыпчакский литературный язык, на который оказал сильное влияние старотуркменский язык. В дальнейшем этот язык окончательно оформился как кыпчакско-огузский литературный язык Египта периода правления мамлюков XIV в. или, точнее, золотоордынско-египетский.

СОВРЕМЕННИКИ СЕЙФА САРАЙИ

Дошедший до нас список перевода Сейфа Сарайи ценен еще и тем, что к переводу "Гулистана" Саади в конце рукописи приложено восемь газелей, принадлежащих разным тюркоязычным поэтам, имена и произведения которых до сих пор были неизвестны: мавлана Кади Мухсин, мавлана Исхак, мавлана 'Имад Мавлави, Ахмад-ходжа ас-Сарайи, Хорезми, Абд-ул-Маджид, Тоглы-ходжа, Хасан-оглы. Последнего из них — Хасан-оглы — проф. М.Ф.Кёпрюлюзаде считает азербайджанским поэтом. Азербайджанские литературоведы считают его родоначальником светской поэзии.

Сравнение языка Сейфа Сарайи и этих поэтов с языком Хорезми (автора "Мухаббат-наме") свидетельствует, что в XIV в. вполне сложился литературный язык, общий для Египта и многочисленных тюркских племен и народов, обитавших в низовьях Волги и Сырдарьи.

Стихи Сейфа Сарайи и газели его современников, творивших, быть может, одновременно с ним и далеко от родины, являются замечательными произведениями, написанными на смешанном кыпчакско-огузском литературном языке. Когда речь идет о предшественниках Навои, обычно приводятся имена Атаи, Саккаки, Лутфи, Амири, Гадаи и т.д., живших в XV в. в Средней Азии и Хорасане, а из поэтов более раннего периода обычно называются имена Хорезми и Кутба. Рукопись, содержащая перевод Сейфа Сарайи, знакомит нас сразу с несколькими до этого неизвестными именами первоклассных тюркоязычных поэтов XIV в. Быть может, если не все, то некоторые из них являются выходцами из Азербайджана, в числе многих переселенцев с Кавказа в свое время прибывшими в Египет.

Размеры и рифмы стихов упомянутых поэтов разнообразны. В газелях, написанных Сейфом Сарайи в ответ на указанные газели, соблюдены размер и рифмы поэта, на стихи которого пишется ответ. Язык этих газелей, естественно, более сложен, чем язык обычных стихов.

В конце книги помещены пять газелей, два фарда и четыре рубаи, принадлежащие самому Сейфу Сарайи. Текст на полях с.370, в конце с.371 и полностью на с.372 расшифровке не поддается.

Анализ содержания и языка памятника показывает, что Сейф Сарайи был незаурядным поэтом. Сам факт поэтического перевода такого крупного произведения, как "Гулистан" Саади, свидетельствует, что переводчик был одним из наиболее образованных людей своего времени; оригинальные его стихи подтверждают, что он является одним из лучших мастеров художественного слова своего времени, писавшим на сложившемся литературном языке.

Даты рождения и смерти поэта и вообще какие-либо данные о его жизни и творчестве неизвестны. Из четверостишия, помещенного на титульном листе рукописи, мы узнаем, что, когда в 1393 г. царевич Ахмад прибыл в Египет, поэт был еще жив, а из оригинального стиха, помещенного на с.355, — о том, что поэт завершил свой перевод, когда ему было 70 лет.

Другие переводы и оригинальные произведения поэта, кроме упомянутых выше газелей, нам неизвестны. О его поэтическом творчестве мы можем судить только по отдельным бейтам и стихам, вставленным им в перевод "Гулистана", по газелям, приложенным в конце перевода и представляющим собой ответы на газели других поэтов, а также по нескольким его самостоятельным газелям. Газели Сейфа Сарайи и его современников свидетельствуют о том, что к этому времени светская литература в Египте достигла высокого уровня развития. Следует отметить еще и то, что многие поэты и писатели как в Египте, так и в Сирии творили вне двора, что не могло не отразиться на характере их творчества.

На вопрос о том, какому из современных тюркоязычных народов принадлежит данный памятник и в каком отношении находится его язык к языку "Диван-и хикмет" Есеви, произведений Рабгузи, Ахмада-адиба, к староузбекскому языку, сформировавшемуся как литературный в XV в. при Тимуридах в Мавераннахре и Хорасане, может быть дан такой ответ: язык памятника наиболее близок к языку "Диван-и хикмет" Есеви (кыпчакско-огузскому письменному языку низовьев р.Сырдарья). В формировании этого литературного языка, в создании тюркоязычной литературы Золотой Орды и Египта того периода принимали участие (одни в большей, другие в меньшей степени) предки современных татар, крымских татар, башкир, узбеков, казахов, туркмен и азербайджанцев. Поэтому литературные памятники, которые были созданы в этот период на огромной территории Золотой Орды и в Египте, являются их общим достоянием. В большей или меньшей степени все эти народы являются законными наследниками этой культуры. Однако основное место должны занимать, безусловно, татары, казахи и узбеки, предки которых в тот период составляли основную массу населения Золотой Орды и населяли культурные очаги этого огромного государства.

Особенности письма и орфографии

ПРИНЦИПЫ ТРАНСКРИПЦИИ

При транскрибировании текста мы учитывали прежде всего тот факт, что в основе языка памятника лежит кыпчакский язык. В тех случаях, когда из-за пропусков гласных или диакритических знаков слово можно было читать и транскрибировать по-разному, мы прибегали к помощи кыпчакских памятников и словарей, а также к данным современных языков кыпчакской группы. Несмотря на неустойчивость орфографии при решении многих вопросов, мы исходили из того, что в языке памятника в основном соблюдаются законы сингармонизма гласных и согласных. Кроме того, во многих случаях нам помогли диакритические знаки, проставленные над или под теми или иными буквами. По аналогии с ними мы старались решить и некоторые спорные моменты.

Кроме неустойчивости орфографии, безусловно, приходилось считаться с тем, что многие слова в одной и той же среде произносились по-разному, поскольку тогда в одном месте расселения сосредоточивались представители самых различных племен и родов. Следовательно, вполне естественно, что одно и то же слово неизбежно могло произноситься по-разному. Кроме того, территориальные письменные языки только складывались, в их формировании принимали участие представители разных племен, что неизбежно отражалось и на письме. В дальнейшем привносили свою лепту и переписчики. Если один из них в процессе переписывания вносил в рукопись элементы своего диалекта, то другой, наоборот, старался ее "отредактировать", "исправить" отдельные слова согласно существующей тогда литературной традиции. Поэтому в процессе транскрибирования мы старались установить возможное произношение каждого конкретного слова или аффикса путем сопоставления, сравнения с другими языковыми фактами и т.д.

Орфография рукописи непоследовательна, что проявляется даже в написании аффиксов. В основном в языке рукописи выдерживается гармония гласных, но иногда все же к словам с гласными заднего ряда присоединяются аффиксы с гласными переднего ряда и наоборот. В этих случаях мы считали целесообразным транскрибировать, учитывая орфографию рукописи, давая, по существу, транслитерацию.

По своей орфографии "Гулистан бит-тюрки" приближается к памятникам Золотой Орды и Средней Азии, отличаясь от памятников Малой Азии и Азербайджана.

В данной работе, как и при анализе "Мухаббат-наме", мы пользуемся упрощенной транскрипцией. По совету проф. Н.К.Дмитриева, мы в полной мере использовали знаки алфавитов тюркоязычных народов Советского Союза, однако вместо *ə*, *y*, *ɵ* введены *ä*, *ÿ*, *ö*.

В результате проведенного исследования нами установлено, что лексика "Гулистана" Сейфа Сарайи в тюркской его части разнообразна и богата и в значительной степени совпадает с лексикой "Мухаббат-наме" Хорезми.

Параллельно мы провели анализ лексики "Хосрау и Ширин" Кутба — памятника *ɔ*-группы тюркских языков. Сравнение лексики этого памятника с лексикой "Гулистана" Сейфа Сарайи показывает следующее. Основная часть архаической лексики "Гулистана" характерна для огузской группы тюркских языков. Архаическая же лексика в языке Кутба в основном восходит к уйгурской литературной традиции.

Что касается тюркской части лексики произведения Сейфа Сарайи, то по сравнению с лексикой Кутба она гораздо беднее. Если в "Хосрау и Ширин" Кутба нами зарегистрировано 2500 тюркских слов, то в "Гулистане" всего 1136, т.е. более чем в два раза меньше. Это объясняется рядом причин. Во-первых, "Хосрау и Ширин" — чисто поэтическое произведение, написанное размером аруз. А требования размера вынуждают поэта употреблять значительное количество синонимичных слов разного происхождения. В лексике Кутба архаические элементы составляют почти 20% всей тюркской части лексики. У Сейфа Сарайи же архаизмы незначительны. В языке Кутба уйгуризмы, восходящие к периоду караханидской литературной традиции, преобладают, а в языке Сейфа Сарайи они, можно сказать, практически отсутствуют. Слов огузского происхождения в языке Кутба также гораздо больше, чем в языке Сейфа Сарайи.

Так обстоит дело с тюркской частью лексики исследуемого памятника в целом. Преобладающее место в ней зани-

мают общетюркские слова. Уйгурские элементы проявляются в основном лишь при словообразовании, однако во многих случаях параллельно с кыпчакско-огузскими. Например, параллельно употребляются такие слова, как *ачы — ачыг* 'горький' (перен. 'язвительный', 'ядовитый'), *ары — арыҡ* 'чистый', *үзрә — үстүнә* 'на', 'над', *улу — улуг* 'большой', 'великий', *ойанмаҡ — ойғанмаҡ* 'просыпаться', 'пробуждаться', *иҡинҷ — иҡинчи* 'второй', *бөри — ҡурт* 'волк', *бурун — илгәри* 'раньше', *билә — билән — бирлән* 'с' и т.д. Некоторые же исконно уйгурские по происхождению слова настолько вошли в литературный (а может быть, и в разговорный) язык смешанного населения страны, что они не воспринимались как чужеродные.

Такие исконно огузские слова, как *чоҡ* 'много', *йогурт* 'простокваша', *йува* 'гнездо', *аҡытмаҡ* 'дать возможность течь', *хизли* 'тайный', *кичи* 'маленький', *көрклү* 'красивый', *ҡайурмаҡ* 'огорчаться', *ҡоз* 'орех', *ҡулавуз* 'проводник', *ҡонуҡламаҡ* 'угощать', *ҡәфа* 'голова', *ҡәмү* 'все', *ҡырнаҡ* 'рабыня', *ҡаринча* 'муравей', *ишш* 'вертел', *шишләмәк* 'жарить шашлык' и т.д., по-видимому, вошли в кыпчакский язык задолго до того, как кыпчаки пришли в Египет, поэтому употреблялись как родные слова.

Основная часть арабско-персидских слов, имеющихся в памятнике, и в наши дни употребляется в таких языках, как татарский, узбекский. Эти слова принимают участие также и в словообразовании. От арабских слов (в основном в масдарных и причастных формах) образуются производные имена, а при помощи тюркских вспомогательных глаголов — составные глаголы. Персидские слова очень редко принимают участие в словообразовательном процессе. В языке этого памятника, как и в языке Кутба, арабских и персидских слов в общем составе лексики не больше, чем в некоторых современных языках. Оба памятника переведены с персидского. При этом в языке Кутба персидских элементов больше, поскольку его творчество испытало сильное влияние среднеазиатской литературной традиции. А Сейф Сарайи как у себя на родине, так и в Египте, наоборот, в большей степени использовал слова и конструкции арабского языка. Общее количество иноязычных слов у Кутба 36,7%, а у Сейфа Сарайи — 31,8%.

В главе "Грамматические особенности языка „Гулистана" Сейфа Сарайи" опубликованного нами исследования *[27]* подробно рассматривается каждая грамматическая категория; анализируется она также в историко-сравнительном плане. Изучение грамматических особенностей памятника наглядно обнаруживает смешанный характер языка: преобладание кыпчакских элементов, которые чередуются с огузской и часто, отражая существовавшую литературную традицию, с восточноуйгурской лексикой. Поэтому язык этого произведения следует называть кыпчакско-огузским, испытавшим некоторое влияние литературной традиции, восходящей к периоду правления Караханидов.

Язык некоторых памятников, созданных в XIV в. на территории Золотой Орды (в частности, в Хорезме), таких, как "Хосрау и Ширин" Кутба, "Нахдж ал-фарадис" Али и т.д., значительно отличается от языка "Гулистана" Сейфа Сарайи во многих отношениях. Как было уже сказано выше, первые относятся к *ҙ*-группе тюркских языков, изобилуют арабскими, персидскими и архаическими элементами, подверглись сильному влиянию уйгурской литературной традиции периода Караханидов; огузских элементов как в их лексике, так и в морфологии значительно больше, чем кыпчакских[3]. Язык же "Гулистана" во всех отношениях отличается от языка памятников *ҙ*-группы и в основном совпадает с языком "Мухаббат-наме" Хорезми. Грамматический строй памятника, даже особенности его письма и орфографии неоспоримо доказывают, что язык Сейфа Сарайи близок языку Хорезми, что это тот же самый кыпчакско-огузский литературный язык, в котором практически отсутствуют архаические элементы и влияние уйгурской литературной традиции. Язык Сейфа Сарайи в отличие от языка, например, Кутба является дальнейшим развитием языка Хорезми, в свою очередь, восходящего к языку "Диван-и хикмет" поэта-мистика XII в. Ахмада Есеви.

В некоторых случаях, как увидим ниже, имеются и незначительные расхождения между отдельными грамматическими фактами, характерными для языка Сейфа Сарайи и Хорезми. Однако решающим фактором все же являются не расхождения, а сходство.

"Мухаббат-наме" — поэтическое произведение, а "Гулистан" — в основном прозаическое с поэтическими вставками. Кроме того, объем "Гулистана" значительнее объема "Мухаббат-наме", что не дает нам возможности полностью сопоставить их грамматические показатели. Однако некоторые параллели можно провести.

Таким образом, приведенное сопоставление свидетельствует, что расхождения в морфологических показателях этих двух памятников незначительны. По некоторым показателям язык "Мухаббат-наме" более архаичен, чем язык "Гулистана". Ни один из этих языков нельзя назвать чисто кыпчакским и, следовательно, нельзя считать их памятниками кыпчакского письменного, или литературного, языка. Правда, в основе языка этих двух памятников лежит кыпчакский язык, испытавший определенное влияние языка огузских племен. По основным грамматическим показателям язык этих памятников должен быть отнесен к одному кыпчакско-огузскому письменному языку, который в XIV в. сложился как литературный язык. Параллельно с ним развивался другой письменный язык, который к этому времени также сложился как литературный. Это язык золотоордынско-хорезмский, представленный такими памятниками *ҙ*-группы тюркских языков, как "Хосрау и Ширин" Кутба, "Нахдж ал-фарадис" Али и др.

[3] Все это подробно изложено у нас в первом томе "Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV в. На материале „Хосрау и Ширин" Кутба" *[28]*.

Таблица 1

Грамматическое явление	"Гулистан"	"Мухаббат-наме"
Аффиксы сказуемости	*-мән, -сән; -дур//-тур, -турур; -биз*	*-мын//-мин; -сын//-син; -дур//-тур, -турур; -биз*
Отрицание при имени	*-дәгүл//-дүгүл* (один раз *-мас: керәкмәс*)	*-дәгүл//-дүгүл*; *-емас* (один раз *-мас: керәкмәс*)
Вопросительная частица	*-мы//-ми*	*-му*
Кат. принадлежности 1-е лицо мн. числа	*-биз*	*-биз*
Этимологическое *н*	восстанавливается в пространственных падежах	
Дат.-напр. пад.	*-ға//-қа, -гә//-кә, -а; -на; -нва//-нгә*	те же
Исх. пад.	*-дан//-дән, -тан (-дын//-дин)*	*-дын//-дин*
Вин. пад.	*-н; (-ны//-ни)*	те же (огуз. *и*)
Аффиксы прилагательных	*-лы//-ли, -лу*	*-лы//-ли, -лу; -лық//-лик, лүк*
Числительные "пятьдесят", "семь"	*элли; ети*	*элли//эллик*; форма *ети* отсутствует
Полная форма аффикса *-еу*	*-вув*	—
Привативный аффикс	*-сиз*	*-сиз* и *-сизин*
Личные местоимения	*-мән, -сән; анлар* (редко *алар, ана*); *мәним; мунлар; мунуң*	*-мен, -сен; ануңда; мениң; мунуң*
Вопросительное местоимение	*не*	*не*
Указательное местоимение	*ош, ошал, ошул*	те же
Возвратное местоимение	*өз; кәндү* (редко)	*өз*
Определительное местоимение	*қәму*	*қәмуқ* и *қамув*
Вспомогательные глаголы	*болмақ, қылмақ, этмәк; әйләмәк* (редко); *урмақ*	те же
Имя действия на *-еу*	очень редко	то же
Имя действия на *-ш*	редко	—
Имя действия на *-мақ*	обычное явление	то же
Категория залога	формы полностью совпадают	
Деепричастие на *-у, -йу*	употребление полностью совпадает	
Деепричастие на *-ейли*	есть	—
Деепричастие на *-еач*	—	есть
Деепричастие на *-ыҗақ*	редко	—
Причастие на *-еан* и на *-мыш*	полностью совпадают, довольно развито	редко *-ан* единичные случаи употребления

Продолжение табл. 1

Грамматическое явление	"Гулистан"	"Мухаббат-наме"
Настоящее время на *-ар, -ур*	употребление совпадает	
Прошедшее время на *-ыпмән*	употребление полностью совпадает	
Условное наклонение недостаточного глагола	*эсә*	*эсә, эрсә*
Повелит.-желат. наклонение	*-ейәйин, -айым; алым; -ың, -уң; -ейл//-қыл*	*-ейәйын//-айын; -алын, -алы; -ейн, -ейл//-қыл*
Наречия (наиболее показательные)	*күндүзүн, ташқары, таңдасы, буйаны илк, тек, нечүк, өйла, бөйлә, ингән, бек* и т.д.	*бөйлә, өкүш, асру, нечүк, қаны, эмди, нечә* и т.д.
Послелоги (наиболее показательные)	*артында, аша, алтында, алында//алынды, үза, үстиндә, үзрә, өзгә, бекин, бирлә//билә// билән, тек, текрү, соңра, қатында, қәта, көрә, киби, кәри, йанында; астында, ичрә* — не имеются	*текин, соңра, ичиндә//ичрә, өзгә, қатында, ара, ашуну, бекин, үзрә, бирлә// билә, йанлив//йаңлық, дек//тек//тәк*

Таким образом, приведенное сопоставление свидетельствует, что расхождения в морфологических показателях этих двух памятников незначительны. По некоторым показателям язык "Мухаббат-наме" более архаичен, чем язык "Гулистана". Ни один из этих языков нельзя назвать чисто кыпчакским и, следовательно, нельзя считать их памятниками кыпчакского письменного, или литературного, языка. Правда, в основе языка этих двух памятников лежит кыпчакский язык, испытавший определенное влияние языка огузских племен. По основным грамматическим показателям язык этих памятников должен быть отнесен к одному кыпчакско-огузскому письменному языку, который в XIV в. сложился как литературный язык. Параллельно с ним развивался другой письменный язык, который к этому времени также сложился как литературный. Это язык золотоордынско-хорезмский, представленный такими памятниками *з*-группы тюркских языков, как "Хосрау и Ширин" Кутба, "Нахдж ал-фарадис" Али и др.

Лексические особенности

Лексика "Гулистана" отличается своей сравнительной простотой. Арабско-персидских элементов в ней едва ли больше, чем в дореволюционном татарском или узбекском литературных языках. В языке Сейфа Сарайи архаические

элементы исчисляются единицами. Известно, что даже перед революцией в некоторых изданиях, выпускавшихся на татарском и узбекском языках, встречались такие архаические, давно вышедшие из употребления слова, как *изи* и *уван* 'бог', *такы* 'еще' и т.д.

Уйгурские элементы в языке памятника случайны и в основном выявляются при словообразовании; к тому же они употребляются параллельно с исконно кыпчакскими или огузскими формами.

В основе памятника, безусловно, лежит общетюркская лексика с преобладанием кыпчакского пласта и некоторыми огузскими элементами. Отметим, что лексика "Гулистана" в сравнении с лексикой староузбекских памятников Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв. имеет более выраженный кыпчакский характер. Кроме того, в ней значительно больше огузских элементов.

Значения некоторых слов, встречающихся в "Гулистане", в современных языках сузились или, наоборот, расширились; некоторые слова изменили свой фонетический облик. Наиболее интересная часть лексики памятника нами изучена в сравнительно-историческом плане (см. статью "Лексические архаизмы в тюркоязычном памятнике XIV в. „Гулистан" Сейфа Сарайи" наст. изд.).

К середине XIV в. на территории Золотой Орды, включая низовья р.Сырдарья и северный Хорезм, сформировались два качественно различных литературных языка. Один из них был литературным языком *з*-группы тюркских языков. На нем написаны такие произведения, как "Хосрау и Ширин" Кутба, "Нахдж ал-фарадис" Али, созданный близ Карши на территории Средней Азии "Кысас" Рабгузи. Основным центром этого языка, по-видимому, был Хорезм. Этот литературный язык отличается обилием архаизмов и уйгуризмов, восходящих к уйгурской литературной традиции, сложившейся в Средней Азии со времени появления первого крупного литературного памятника на карлукско-уйгурском литературном языке — "Кутадгу билиг" (XI в.). В языке *з*-группы огузских элементов значительно больше, чем кыпчакских. Исходя из фактических языковых данных, этот литературный язык мы назвали огузско-кыпчакским литературным языком *з*-группы тюркских языков. В дальнейшем в Средней Азии он исчерпал себя, но долго еще существовал у татар как литературный язык богословских и религиозно-дидактических произведений. Последние памятники на нем с некоторыми модификациями издавались и в начале нашего века.

Второй литературный язык нами назван кыпчакско-огузским *й*-группы тюркских языков. В его основе лежит язык кыпчакских племен, испытавший определенное влияние языка огузских племен. Влияние на него уйгурского языка практически отсутствует. Этот язык, первоначальным ареалом которого были низовья р.Сырдарья и который в конечном счете восходит к кыпчакско-огузскому литературному языку XII в. (представлен в произведениях Ахмада Есеви), существенно отличается от первого своей простотой, а также многими грамматическими и лексическими показателями. При мамлюках он находит свое дальнейшее развитие в Египте. Кыпчакский язык "Диван-и хикмет" Ахмада Есеви, смешавшись с огузским, испытал некоторое влияние уйгурской литературной традиции. В поэме "Мухаббат-наме" (XIV в.), созданной на этой же территории, это влияние уменьшилось. Что касается западной ветви этого литературного языка, на котором Сейфом Сарайи был создан "Гулистан", то здесь влияние уйгурской литературной традиции почти незаметно. Огузские же элементы настолько смешались с общетюркскими и исконно кыпчакскими, что, по-видимому, уже тогда их было трудно выделить из общей языковой массы.

Так на кыпчакской базе был создан хорошо разработанный, близкий к разговорному языку разноплеменного тюркоязычного населения Египта смешанный кыпчакско-огузский литературный язык. Он продолжал развиваться в Египте в XV—XVI вв. На нем же в Средней Азии в XIV в. появляется "Юсуф и Зулейха" Дурбека. Однако язык Дурбека не мог не испытать на среднеазиатской почве некоторого влияния уйгурской литературной традиции и впитал некоторые элементы местных диалектов и значительное количество арабских и персидских слов. В XV—XVI вв. этот язык находит дальнейшее развитие в произведениях предшественников Навои — Атаи, Саккаки, Лутфи, Амири, а также Хусайна Байкары, Бабура и др. Окончательного совершенства он достиг у Навои, когда, вобрав в еще большей степени арабские и персидские элементы, значительное количество языковых особенностей местных диалектов и сохранив заметное влияние уйгурской литературной традиции, он возродился как чагатайский (староузбекский) литературный язык.

Староузбекский литературный язык, как следует из сказанного выше, восходит к двум источникам: карлукско-уйгурскому литературному языку, возникшему в XI в. в восточной части государства Караханидов, и (через кыпчакско-огузский литературный язык Золотой Орды XIV в.) к более раннему кыпчакско-огузскому языку "Диван-и хикмет" Ахмада Есеви. XIV в. был промежуточным этапом в дальнейшем развитии этого литературного языка.

Без изучения языка памятников этого периода невозможно изучить историю ряда тюркских языков, в первую очередь узбекского. Если узбекские племена, населявшие восточную часть государства, в дальнейшем оказались в очень благоприятных условиях, в частности и для развития литературы, то иначе сложилась языковая судьба тех племен, которые вошли в состав современного казахского народа. Эти племена, кочевавшие в тот период по огромной территории Золотой Орды, по ряду исторических причин в течение нескольких веков были бесписьменными и вели кочевой образ жизни, сохранив лишь устную литературу — фольклор. Оторвавшись от литературного языка, общего для всех тюркоязычных племен, населявших территорию Золотой Орды, они сохранили лишь свои племенные языки. Тем не

менее в языке Абая, а также в некоторых документах, написанных на казахском языке в XVIII—XIX вв., мы находим много общего с кыпчакско-огузским литературным языком Золотой Орды.

Что касается туркменского языка, носители которого в прошлом внесли значительный вклад в создание этой культуры и в формирование этого литературного языка, то на среднеазиатской почве он приобщается к литературному языку, впоследствии названному чагатайским (староузбекским). Безусловно, и представители туркменских племен принимали определенное участие в дальнейшем развитии этого письменного языка. Ведь этот язык — среднеазиатский тюркӣ — стал как бы общетюркским литературным языком для ряда тюркоязычных племен Средней Азии. На нем писали, между прочим, и читали не только тюркоязычные поэты и писатели, но и многие двуязычные таджикские писатели и поэты.

Немаловажную роль сыграли в создании этой культуры, в формировании *й*-группы и *ȝ*-группы литературных языков и предки современных татар и башкир. По ряду исторических причин эти племена и народы в дальнейшем сохранили как письменный язык более архаичный золотоордынско-хорезмский *ȝ*-язык.

Таков сложный путь возникновения, развития и становления смешанного кыпчакско-огузского литературного языка XIV в., который в дальнейшем, как мы видели выше, послужил основой ряда тюркских литературных языков.

Перевод "Гулистана" Сейфа Сарайи ценен помимо прочего еще и тем, что в нем содержатся оригинальные стихи самого переводчика и восьми других тюркоязычных поэтов того времени, по-видимому, творивших в Египте при кыпчакских правителях. В настоящее время этот памятник и его язык исследованы достаточно глубоко. В этой статье мы остановимся лишь на наиболее интересной части лексики — устаревших и архаичных словах. Приведенные ниже слова (даны в порядке арабского алфавита) в основном отсутствуют в современных тюркских языках, некоторые сохранившиеся из них имеют более узкие значения. Например, слово *агыр* в современных языках означает только 'тяжелый', а в нашем памятнике оно употребляется в основном в значении 'ценный', 'сильный'. К этому разряду относятся такие слова, как *ал* 'хитрость', зафиксированное лишь в говорах азербайджанского языка, *ийӣ* 'хозяин', 'владелец', которое встречается в некоторых современных языках, но прошло очень сложный путь развития, *таң* 'изумительный', которое в современных языках встречается лишь в качестве первого компонента составных глаголов, *чок* 'очень', в современном уйгурском и киргизском языках означающее 'большой', *кирпич* 'кирпич', считающееся в современных тюркских языках русским словом. В "Гулистане" встречается слово *ӧртӱкли* 'тайный', 'скрытый'. Глагол *ӧртмӓк* 'крыть' есть в современных турецком, азербайджанском, туркменском

языках, однако имя существительное от этой глагольной основы — *ӧртӱк* 'покрывало' сохранилось лишь в азербайджанском языке; ср. тур. *örtü* 'скрытный', 'тайный'. В нашем памятнике имеется полная форма *ӧртӱкли* (с.54).

Возьмем еще *ӧлӱмли* 'приговоренный к смерти', 'смертник'. Отглагольное имя *ӧлӱм* 'смерть' имеется почти во всех современных тюркских языках, а производное прилагательное *ӧлӱмли* 'имеющий смерть', т.е. 'смертник', характерно лишь для языков огузской группы.

Публикуемая часть лексики этого памятника поможет в изучении более ранних тюркоязычных произведений, в которых могут встречаться эти слова; она будет полезна и при сравнительно-историческом анализе лексики тюркских языков, при составлении этимологических, толковых и исторических словарей и т.д.

Арабско-персидских элементов в лексике памятника едва ли больше, чем в дореволюционных татарском и узбекском литературных языках. За редким исключением, эти заимствования имеются и в современных тюркских языках. В этом отношении прозаическая часть "Гулистана" выгодно отличается от таких памятников XIV в., как "Нахдж ал-фарадис", среднеазиатский "Тефсир", "Кыссас ул-анбийя" Рабгузи и т.д., в которых арабских и персидских элементов гораздо больше, что, конечно, отчасти объясняется еще и их содержанием. Язык же поэтической части "Гулистана" Сейфа Сарайи сходен с языком предреволюционных татарских и узбекских поэтов, а также близок к языку памятника "Мухаббат-наме" Хорезми, созданного в те же годы на берегу р.Сырдарья, но существенно отличается от языка "Хосрау и Ширин" Кутба, переведенного на территории Золотой Орды и переписанного на несколько десятков лет раньше в Египте. В языке перевода "Гулистана" меньше архаических элементов, чем в других названных выше памятниках XIV в.

Некоторые архаизмы, зафиксированные в данном памятнике, видимо, еще были живы в тот период, а другие — употреблялись по традиции. В словарном составе "Гулистана" при заметно преобладающей кыпчакской основе многочисленны огузские элементы. Их гораздо больше, чем в чагатайском (староузбекском) литературном языке. Следует отметить еще то, что наряду с исконно огузскими или кыпчакскими формами слов параллельно продолжают употребляться уйгурские формы этих же слов, ср., например, огуз.-кыпч. *улу* и уйг. *улув* 'великий', 'большой', огуз. *ары* 'чистый' и уйг. *арық*, уйг. *ойванмақ* 'просыпаться' и кыпч. *ойанмақ* и т.д. Обычно такое употребление слов в поэтических произведениях объясняется требованиями поэтического размера, в данном случае — арабской метрики аруз. Однако это явление в равной степени характерно и для прозаического языка Сейфа Сарайи. Например, наряду с *ӧй//йӱй* имеется *эв* 'дом', *улу—улув* 'великий', *толун ай* 'полная луна' — *толы табақ* 'полное блюдо', *чок — көп* 'много', *хатун — эбчи* 'жена'.

Ниже мы приводим небольшую, но наиболее интересную

часть весьма богатого лексического материала памятника, прибегая в нужных случаях к историческим экскурсам и сравнительному анализу.

ابجی *эбчи* 'жена': *Көрксүз эбчиниң эри көзсүз керәк* 'Нужно, чтобы у некрасивой жены был слепой муж'.

Это производное слово, безусловно, восходит к орх.-ен. *әб//эб* 'дом'; др.-уйг. *әп*, МК, Рабг., Ибн-М., Абу-Х. *эв*, чагат. *эв* и *өй* как в современном узбекском и уйгурском языках; тат., башк., казах. *үй*.

В сочинении Рабгузи встречается другая производная форма этого слова, образованная при помощи аффикса обладания, но с тем же значением: *эвлүк* 'жена' (принадлежность дома). Из современных языков слово *әпчи* сохранилось в тувинском языке, имеется также в языке желтых уйгуров в КНР.

В нашем памятнике встречается еще вариант этого слова, образованный при помощи аффикса *-даш*. Этот аффикс, как показывают материалы данного памятника, был не менее, если не более, употребителен и продуктивен, чем в настоящее время. Параллельно с *эбчи* употребляется *эвдаш* 'жена' (совместно проживающая в доме): *бир фәкирниң эвдәши йүклү эди* 'жена одного бедняка была беременна'. Эта производная форма в известных нам памятниках, во всяком случае в словарях, не обнаружена. В связи с этим хочется высказать мнение о происхождении татарского слова *иптәш* 'товарищ', которое многими тюркологами возводилось к глагольной основе *ип-* 'делать что-либо умело'. Н.К.Дмитриев в "Грамматике башкирского языка" отмечает, что башк. *ип-тәш* образовано при помощи аффикса *-даш*, хотя точная этимология этого слова недостаточно выяснена. Если принять во внимание *әв//эв//әп//эп* 'дом', известное нам в этом значении с VII в. н.э., и возможное чередование *д//т* в аффиксе *-даш//-таш*, то возможно сопоставить тат., башк. *иптәш* 'товарищ' с *эвдаш* 'жена'. Таким образом, толкование "товарищ по дому" не вызывает никакого сомнения. И в наши дни в татарском языке, когда представляют жену (мужа), говорят: *минем иптәшем* 'моя жена' ('мой муж').

Пример, приведенный ниже, также подтверждает, что в "Гулистане" речь идет именно о значении "жена":

Йахшы эр эвдаши йаман болса,
Һәвр ичиндә эрин һәмишә қыйнар
'Если у хорошего мужчины будет плохая жена,
Она вечно будет мучить его упреками'.

В "Эттухфат-уз-закийэ" [46, с.6, 178] начальная гласная этого слова изображена при помощи "хамзы" с огласовкой "касра" (*эбчи*), в турецкой транскрипции слово поэтому выглядит *irçi*. Следовательно, на основании этих данных мы можем получить *иптэш*.

Ибн-М. *эпчи*. А.Зайончковский это слово в "Хуласа" транскрибирует через *ä* (*äпчи//äбчи*). Cod. Cum. *эпчи*, АЗ *өйдәш* 'жена', 'товарищ по дому'.

Выше мы отметили, что у Рабгузи встречается производное *эвлүк* 'жена'. Эту же форму, но без конечного согласного (*эвлү*) мы встречаем в более ранних малоазиатских памятниках, но в значении 'один из супругов' (муж по отношению к жене и наоборот). Так, в "Қырқ вәзирләр хикайәти" имеется *аның эвлүси*, что в отрыве от общего контекста может быть переведено как 'ее муж' и как 'его жена'. Совр. тур. *evli* 'женатый', МК *эвлиг* 'хозяин дома', а *эвлук* 'жена'.

ایردام *эрдәм* 'знание', 'искусство', 'образование', 'воспитание': *эрдәм бир чешмә дурур ким, дайим суйы ташып келәдүр* 'знание — это источник, обильно выбрасывающий воду'; *эрдәм ийәсиниң дәвләти турур* (276) 'знание — это богатство его обладателя'; *эрдәм ийәси дәвләтиндән түшсә, қайеусы йоқ* (276) 'если знающий человек лишится своего богатства, нет ему печали'. МК *эрдәм, эрҙәм*; КБ, Ибн-М., Абу-Х. *эрдәм*. Имеется в современном монгольском языке, в котором *эрдэм* означает 'знание', 'ученость', 'наука', 'образование'; *эрдэмтэй, эрдэмтэн* 'образованный'. По-видимому, слово восходит к более раннему периоду монголо-тюркской общности. В современном турецком языке оно воскрешено как неологизм (*erdem*) и употребляется в значении 'добродетель', 'достоинство', а форма *erdemli* в значении 'достойный', 'добродетельный', 'совершенный'. Существует глагольная форма *эрдәмәк*, которая встречается у МК и в КБ в значении 'изучать', 'исследовать', 'узнавать'; КД *бу ишы сорам, эрдәйәм* 'об этом деле я расспрошу и изучу [его]'. Атеб. *эртәм*, Рабг. *эрдәм*. Не восходит ли это слово к монг. *эрдэнэ* 'драгоценный камень', 'сокровище', в переносном смысле 'образование'.

ایردام سیز *эрдәмсиз* 'невежда', 'необразованный': *эрдәмсизләр луқма-луқма тиланып, миннат йүкин көтәрип йүрүрләр* (276) 'невежды ходят, собирая куски хлеба, будучи обязанными всем'. См. *эрдәм*.

ایردامللی *эрдәмли* 'образованный','воспитанный':

Тапты эрдәмли киши анда шәрәф
Эй неча эрдәмсиз эр болды талаф
Болды эрдәмли факир оғлы вазир
Қалды эрдәмсиз вазир оғлы фақир
Там, где образованный человек нашел славу,
Сколько невежественных людей погибло.
Стал образованный сын бедняка везиром,
А невежественный сын везира стал бедняком.

Ибн-М., КБ *эрдәмлиг, эрдәмлүг*, в Алт.-Йар. *эрдмлиг*. См. *эрдәм*.

آرشون *аршун* 'аршин': *ики аршун су* 'вода глубиной в два аршина'.

АЗ, Кав., Хул., Буд. *аршун*; Ибн-М. *аршынламақ*. С негубным гласным во втором слоге сохранилось в современных турецком, азербайджанском, татарском и туркменском языках. В узбекском и казахском в основном употребляется перс. *гäз//гез//кез*.

آرقون *арқун* 'тихо', *арқун-арқун* 'тихо-тихо', 'медленно'.

Из известных нам памятников эта форма встречается в "Хуласа" и в Анат. Кор. наряду с формой *арғун-арғун*. С.Е.Малов в тексте из "Покаянной молитвы манихейцев" *arqun jir tänri* переводит как 'первоначальные земля и небо' [21]. По-видимому, в данном случае это лишь формальное совпадение. Слово *арқун* в этом памятнике часто встречается как в виде повтора, так и в отдельном написании. Приведем примеры: *арқун-арқун оқувай мän* (219) 'тихо-тихо прочту я'; *арқун йӱрӱбän* 'медленно двигаясь'; *ашықмайын атыңны сӱргӱл арқун* (271) 'не торопясь, медленно гони своего коня'.

Махмуд Кашгари наряду с полной формой *ақрун* приводит и усеченную *ақру* и повтор *ақру-ақру* с тем же значением. Усеченную форму приводит и Ибн-М. У МК *арқын* и *арқун* употребляется еще в значении 'будущий год'. Губной вариант (*арқун*) имеет еще и значение конь скрещенной породы (домашней кобылы с диким жеребцом). В таком же значении это слово встречается и в современном казахском языке.

С.Е.Малов из Алт.-Йар. приводит усеченную форму *ақру* со значением 'тихо', но под вопросом считает его деепричастием. В Анат. Кор. *арқун оқма* 'тихо не читай', но *аргун-арғун* 'спокойно', 'медленно'. Кав. *ақрын*; АЗ *ақрын* и *аєыр-аєыр* 'тихо'.

Отсутствующее в современных узбекском, уйгурском, турецком, но имеющееся в форме *ақрын* в татарском, казахском языках это слово должно быть признано кыпчакским. В узбекском употребляется перс. *секин* и *аста* (уйг. *äстä*), туркм. *юваш*, тур. *yavaş*.

آغری *аєры* — название монеты, имеющей форму листа растения: *бир аєры алтун көп йахшы дурур йӱз элли батман кучдан* (205) 'одна золотая монета гораздо лучше ста пятидесяти батманов силы'. В таком же значении встречается в АЗ, а также в форме *аєры* (синонимы *йармақ* и *ақча*).

آغیر *аєыр* 'сильный', 'тяжелый', 'ценный', 'дорогой': *султанєа бир аєыр душмän чериси келди* 'на султана напало сильное вражеское войско'; *аєыр зäнҗир* (55) 'тяжелая цепь', *бир мäликниң элиндä аєыр бäҗали йӱзӱк бар зди* (207) 'на пальце царя было массивное дорогое кольцо'.

Эта форма имеется в орх.-ен. пам., КБ; ср. орх.-ен. *аєы* 'драгоценность'; Алт.-Йар., КБ *аєур* 'тяжелый'; МК, Абу-Х., КБ, Рабг., КД *аєырламақ* 'почитать (кого-либо)', 'уважать'; КБ, МК *аєурлуєсä* 'уважаемый', КБ *аєурлуқ* 'уважение', КД *аєырлық* 'ценность': *ануң қäдры вä аєырлыєы йоқдур* 'оно не имеет никакой цены и ценности'; АЗ, Ибн-М. *аєур* и *аєыр* 'тяжелый'; МН *аєыр ойқучы бäхтим* (149) 'погруженное в тяжелый сон мое счастье'.

Совр. тат., казах. *ауыр*, узб. *оєир* 'тяжелый'. В азербайджанском и турецком языках имеются все значения этого слова, как и в "Гулистане" Сейфа Сарайи.

آل *ал* 'хитрость': *душман алина алданмаєыл* 'не поддавайся хитрости врага'; *ол ал тузаєын қуруп турур* (94) 'он расставил сеть хитрости'. В таком же значении в Алт.-Йар., МК, Рабг., Абу-Х., МН, ШС; Ибн-М. *алчы* 'хитрец', КБ *алчу* 'хитрый'. Из современных языков эта первичная основа сохранилась в турецком языке, карягинском говоре азербайджанского языка. У МК, в АЗ глагол образован при помощи фонетической разновидности аффикса *ла –да* (*алда-* 'обманывать'), который имеется во многих современных тюркских языках. В азербайджанском языке при образовании страд.-возвр. формы параллельно выступают оба варианта этого аффикса.

اوز آتقیجی *уз атқычы* 'стрелок': *төрт йӱз оқ уз атқычылар* 'четыреста стрелков'.

Существует возможность возвести это слово к глаголу *узатмақ* 'протягивать', отсюда 'протянуть', т.е. 'выпустить стрелу'. Однако мы считаем, что эта форма является составной: *уз* 'искусный' + *атқычи* 'стреляющий'. ХШ *уз* 'красивый', 'хороший'; *уз сӧзлär* (142/19) 'хорошие слова', *аз уз ол* (119/12) 'хорошо, когда мало'.

В орх.-ен. пам., КБ, Алт.-Йар. *уз* 'искусный', 'мастер'; Атеб., МК *уз* 'хороший', 'дельный'. МК также *узлуқ* 'мастерство', *узланмақ* 'овладеть мастерством'. Рабг.: *уз* является основой глагола *уз-* 'петь песню'. ШС *узан* — мелодия без размера, которую поют под удары бубна узанчы. Навои: *лалä вä рäйҳандин уза* 'красивее тюльпана и базилики'. Абу-Х. *узан* 'певец', 'искусный мастер'. Основа зафиксирована у Ибн-М., АЗ. У Буд. с широким гласным чагат. *оз* 'знакомый', по-видимому, ошибочно возводится к *öз* 'свой'. Совр. хак., тув. *ус* 'мастер', 'искусник'. Монг., тув. *уран* 'искусный' (*з//р*). К основе *оз* восходит башк. *озандäу-* 'петь песни неприятным голосом'. Совр. кирг. *уз* 'искусный', тур. *иz* 'хороший', 'добрый'.

اوزدان *уздан* 'красивый': *қыз уздан эрди* 'девушка была красива'; *бир қамар йӱзлu, ӱни уздан хäриф* (120) 'луноликая с прекрасным голосом особа'; *уздан киши йабунса, эски уба йарашур* 'красивому человеку и старая одежда идет'.

С.Е.Малов [21, с.408], ссылаясь на Томсона и Броккельмана, *озолук ат* переводит как 'верховая лошадь'. У ШС приводятся синонимы для *уз* в этом значении *фäсих* 'изящный', *маҳир* 'искусный'. Тогда *узлуқ* можно было бы перевести как прилагательное со значением 'обладающий данным качеством'. В этом случае *узлуқ* могло быть синонимом *уздан*, а *узлуқ ат* подобно *уздан таєы ат* можно перевести как 'красивая чистокровная лошадь'.

Из известных нам словарей *уэдан* зафиксировано только в АЗ в значении 'красивый'; совр. туркм. *овадан* 'красавец', 'красавица', 'красивый', по-видимому, восходит к этой же основе.

اوش *ош* 'вот', 'так': *қаршуңда туруп, тиләрмән ош сәндән дад* (64) 'стоя перед тобой, вот прошу я пощады'.

МК *ош* 'теперь', 'вот', 'подобно'; КБ, Атеб. производное *ошул* 'это', 'именно это'. ШС *ошында* 'там', 'на том месте'. С этой же основой связано слово *ошна* в "Гулистане". В современном татарском и узбекском языках это слово сочетается с *бу*: *ушбу//ошбу* 'это'. Отмечено у Рабг., у чагат. поэтов, Ибн-М. Нет у Абу-Х., в АЗ; ШС *ош мунча*; в "Тефсире" не встречается; МН: *ош йыл тек* 'как ветер', *ош андын соңра* 'вот после этого', а также имеется в составных указательных местоимениях (*ошал* 'тот', *ошбу* 'это', *ошул* 'тот'); КД *ош гәлдүм* 'вот я и пришел', *ош шимди* 'вот теперь'.

اوشنا *ошна* 'действительно', 'на самом деле':

Күндүзни кечә десә мәлих сән айтқыл:
Ошна, көрүнүр Қамар йанында Кайван
Если царь назовет день ночью, то ты скажи:
На самом деле около Луны виден Сатурн.

В словарях не отмечено.

اوغلان *оелан* 'юноша', 'юный', 'дитя':

Йашы йетмишкә йеткән бир қари эр,
Тиләрмән бир қыз оелан алмаға дер
Старик, достигший семидесяти лет,
Говорит, что хочет жениться на молодой девушке.

Восходящее в первоначальной основе *оғул* это слово в орх.-ен. пам. означало 'дитя', в дальнейшем его значение расширилось. В средневековье в Золотой Орде, Мавераннахре, в Малой Азии огланом могли называть царевича, военачальника, командующего войсками и т.д. Сочетание *оелан-қыз* С.Е.Малов [21] переводит как собирательное 'дети'. В свете материалов данного памятника такое толкование нам кажется неправильным. Ведь в Таласских рунических памятниках *оелан* имеет значение 'молодой человек'. При таком значении этого слова *оелан қыз* будет просто 'девушка'. В нашем памятнике мы имеем ряд явлений, подтверждающих такое толкование. Встречается у чагатайских поэтов: *хатуны эр оглан тапты* 'его жена родила мальчика'; *тифл оглан* (26) 'мальчик'. Пример *хатуны эр оглан тапты* 'его жена родила мальчика' свидетельствует, что слово *оелан* являлось нейтральным в отношении пола, оно употреблялось лишь с уточняющими словами: *қыз оелан* 'девочка', 'девушка', *эр оелан* 'мальчик', *тифл оелан* 'мальчик'. Производное же *оеланлыҳ* означает 'детство': *оеланлыҳ айямында* 'в детские годы'. В средневековом монгольском языке Золотой Орды *оелан* означает 'царевич', как и в средневековых тюркоязычных памятниках; М.-ад. *оелан* 'ребенок' (т.I, с.189; т.II, с.487).

МК *оғул* 'сын', 'мальчик', а *оелан*, кроме того, 'дети', Анат. Кор. *оелан эви* 'место ребенка'; Ибн-М. *оғул*: *оғул оелу* 'внук', при этом "отец мальчика" не *оғул атасы*, а *оғуллан атасы*; АЗ *оелан*, *оғул*, *ол* 'сын'; отмечено в орх.-ен. пам., в Алт.-Йар., в памятниках уйгурского и чагатайского языков.

В современном турецком языке *оğul* 'сын', 'парень', а *оğlan* 'мальчик' (вообще), 'слуга'. Однако возможно сочетание *kız oğlan* 'девственница'.

اوغلانلیق *оеланлыҳ* 'молодость', 'юность', 'юношество'. См. *оелан*.

ایا *ийә* 'владелец', 'хозяин': *көңүл ийәләриндән бир ким эрсә* (311) 'один честный человек'; *ни'мәт ийәләри* 'благодетели'; *сулҳ ийәси* (326) 'стремящийся к миру', 'миролюбивый', *'ақл ийәси* 'умный', 'разумный'; *бойруҳ ийәси* (291) 'власть имущий'.

До революции в узбекском, уйгурском языках широко употреблялось *эгә* 'владыка'; ср. *эгәм* 'мой бог'. Слово *ийә* восходит к этому общему корню. Не восходит ли это слово к *иди*, зафиксированному в орх.-ен. пам. в значениях 'хозяин', 'господин'; КБ, Рабг. *иди* 'бог', МК *изи* 'бог', Ибн-М. *изи* 'владелец', 'бог', ШС *иди* 'владелец?' Совр. тур. *egemen* 'господствующий', *egemenlik* 'господство' (неологизмы). Анат. Кор. *эйа* 'господин', а *'илм эйәси* 'ученый', 'образованный', *ҳусн эйәләри* 'красавицы', как и в "Гулистане". Алт.-Йар. *ийә*, АЗ, МК *игәмәк//эгәмәк* 'владеть'. В АЗ и Абу-Х. имеется еще более позднее образование *игәләмәк//эгәләмәк* 'владеть'.. Из современных языков *эзи* хозяин встречается в хакасском; ср. монг. *эзэн* 'хозяин', 'владелец', 'обладатель'. Совершенно неожиданную форму *ис* < *ийи* + *-си* мы встречаем в КД (мн. число *ислär*): *'ақл ислäри* 'разумные люди', *мурүввәт исси* 'великодушный', 'благородный', *фитнә исси* 'смутьян'. Возможно, *ис* восходит к древнему *эс*, зафиксированному в орх.-ен. пам. в значении 'товарищ'. Совр. узб. *эга*, уйг. *эгэ*, казах. *ие*, тат. *ия*, туркм. *эе*, азерб. *ийэ*.

ایا برمک *ийә бермәҳ* 'отправлять', 'посылать', 'направлять': *мäни мунда асҳаб му'алиҳäси üчүн ийә бердилäр* (163) 'меня послали сюда лечить людей';

Аеыр ишкä синамыш эр ийä бер,
Ким арсланны тутуп келтүргäй ол эр
На тяжелую работу посылай проверенного человека,
Такой человек и льва поймает и приведет.

Из приведенных выше примеров выясняется, что современный непроизводный глагол *йүбәрмәк* 'посылать' восходит к сложному глаголу, состоящему из двух компонентов: *ийә* 'владелец', 'обладатель' + *бермәк* 'давать', ср. туркм. *ибермек* (в туркменском сохранилась первоначальная форма),

узб. *юбормоқ*, уйг. *эвәтмәк*, которое через *эвәрмәк// әбермәк* восходит к *ибәрмәк*, тат. *хибәру*, казах. *жіберу*.

اچیرکی *ичирки* 'попона седла': *ийәримнаң ичиркиси тутсаң болса* 'если попона моего седла заложена'. ШС *ичирәу* (с губным вариантом аффикса). В других словарях и памятниках не зафиксировано.

ایلاینکدا *илäйиңдä* 'впереди', 'перед тобой': *илäйиндä көп вакиʻалар бар* (238) 'в будущем тебя ждут многие события'; *ҳäрäм илäйиңдä давы ҳäрами артыңда* (109) 'впереди тебя гарем, а позади разбойники'.

ШС основу этого слова приводит как *илай* 'около', 'возле', 'перед', 'присутствие' и указывает на его использование в служебном значении. В АЗ *илäйиндä* 'впереди него' является полным антонимом формы *артыңда* 'сзади'. В ШС и СС это слово употребляется в переносном значении 'в глазах'. КБ *илай* 'перед'. В орх.-ен. пам. следующая форма: первоначальный корень + два аффикса направительного падежа — *илгäрү* 'вперед'. Различные фонетические варианты последней в современных языках вытеснили форму, используемую в "Гулистане".

اینان *инан* 'очень': *мäним ʻайбим инан көп турур* (86) 'я повинен во многом' (букв. 'у меня очень много вины'); *инан биликсиз* (90) 'чрезвычайно невежественный'; *инан иҳтийаҳым болуп турур* (180) 'очень нуждаюсь'. В других памятниках, за исключением "Хуласа", не встречается. КД *бир сывырдур ким сарудур ҳäддäн гечä, йä'ни инан сару* 'это чрезвычайно желтая, т.е. очень желтая, корова'.

بیکین *бекин* 'подобный': *биликсиз киши тыбл-и баз бекин* (340) 'необразованный человек похож на барабан'; *ҳаз эти бекин* (178) 'как гусиное мясо'.

بیکی *беки* 'как', 'подобный' (послелог): *аның беки манзур* 'такой разрисованный'; *күнäш беки мäшҳур* (222) 'известна как солнце'.

Имеется в памятниках староосманской литературы. МК — не зафиксировано, ШС *бекин*. В современных языках эта форма не сохранилась.

تانک *таң* 'удивительный', 'изумительный': *таң ҳäдийä кältүрүп мäн* 'принес я изумительные подарки'; *түрлү-түрлү таңлар* (191) 'разнообразные диковины'; *дäгул таң* (224) 'неудивительно'.

МК, Абу-Х., Рабг. *таң* 'удивление', 'удивительная вещь'; МК, Ибн-М., Рабг. *таңламақ* 'удивляться'; МК еще и формы взаимн. и понуд. залога *таңлашмақ* и *таңлатмақ*; Алт.-Йар. *таңламақ*; Рабг. *таңлыг* 'удивительный'; КБ *таңсамақ* 'удивляться'. В современных языках *таң* самостоятельно употребляется лишь в уйгурском в значении 'удивление', 'удивительная вещь'. Совр. тат., узб., уйг., казах. *таң қалмақ* 'удивляться'. ШС *тан* и *таң*, а также *таң калмак*, *таңуқланмақ* и *таңламақ*. АЗ *таңырқамақ* 'изумляться', эта же форма встречается в современном казахском языке.

تانکداسی *таңдасы* 'утром', 'на следующий день утром': *таңдасы мäлик шäйхни көрмäгä келди* (209) 'на следующий день утром царь посетил шейха'.

В современных языках сохранилась лишь основа *таң*.

تانوق لوق *тануқлуқ* 'свидетельство', 'показание': *султан ҳидмäтиндä ҳанына тануқлуқ берди* (30) 'при султане он дал показание, подтверждая его виновность'.

МК, Рабг., КБ, Абу-Х., др.-уйг. пам. *тануқ* 'свидетель'; Ибн-М. *таныҳ*, МК *тануқлуқ*; Алт.-Йар. *тануқламақ* 'свидетельствовать'. Совр. тур. *tanık tutmak* 'привлекать в качестве свидетеля' (неологизм). Кроме турецкого имеется в татарском языке в форме *таныклык* 'свидетельство' (документ). В остальных тюркских языках вытеснено арабскими и персидскими эквивалентами.

تبوغ *табуғ* 'услужение', 'служба': *мäлик табуғыңа бир эр келсä* (311) 'если человек придет служить царю'.

КБ, Ибн-М. *тапуқ*; КБ, МК *тапуғчы* 'слуга'; в КБ также *тапуғлуғ киши* 'слуга'; КБ *тапунмақ*, МК, Ибн-М. *тапынмақ* 'преданно служить'; КБ: форма понуд. залога *тапундурмақ*. Алт.-Йар. *тапығ* и *тапығчы*. Абу-Х. *тапу кылмак*; МК, КБ, Рабг., Абу-Х., ШС имеется также основа *тапу*, МК, Ибн-М., Абу-Х., Рабг., ШС *тапуғ* 'служба', 'поклонение'; Абу-Х. *тапуғы* 'слуга'; Кав. *тапуламақ*. В др.-уйг. пам. встречается *тапығсақ*, *тапығчы* 'слуга' и в этом же значении *тапунғу*; АЗ *тапу айламак* 'служить'. КД *тапу* 'служба', 'служение'. Совр., тат., казах. *табыну-* 'поклоняться идолу'.

تبوغجی *табуғчы* 'слуга'; *табуғчы ҳатыңда* (152) 'слуга при тебе'.

См. *табуғ*.

تس-تاس *тас* 'потеря': *тас этмäк* (98) 'терять, потерять'; *ол ҳары оғлун тас этканни көрүп бир киши айтты* (98) 'некто сказал тому старцу, который потерял своего сына'.

Ибн-М. *тас* 'исчезновение', а также *тас этмäк* 'терять'. АЗ *тас болмақ* 'исчезать'.

توار *тавар* 'скот': *көзүма ол, тотдун чеккил ким, таварлар көзинä чекäрсäң* 'натри мои глаза той травкой, какой обычно натираешь глаза животных'.

МК с пометами "огуз, аргу", уйг., чаг., Ибн-М. *тавар*. Совр. монг., казах. *тавар* 'гурт скота', 'скот' (собирательное значение). В "Гулистане" над первой согласной поставлена "фатха". В дальнейшем это слово через русский язык вторично вошло в тюркские языки в значении "предмет торговли". В предреволюционные годы в татарском и казах-

ском языках сочетание *ҳызыл товар* (букв. 'красный товар') означало 'мануфактура'.

توتساق *тутсаҡ* 'привязанный', 'плененный', 'заложенный': *атымның арпасы болмаса, йа ыйдырмның ичиҡсиси тутсаҡ болса* (44 – 45) 'если мой конь без ячменя, а потник моего седла заложен'.

МК, Алт.-Йар. *тутсуҡ* 'схваченный'; орх.-ен. пам. *тутсыҡ* 'обладание', а *эл тутсыҡ* 'управление племенным союзом'. МК *тутсуҡмаҡ* 'быть пойманным', где это имя одновременно выступает основой глагола. ШС *тутсаҡ* 'пленный', 'заключенный', 'привязанный'. АЗ, Абу-Х. *тутсаҡ* 'пленный', также имеются формы *тусҡаҡ, тутсау* и *туту* 'заклад'; МК *тутуе*, а в др.-уйг. пам. *тутҡуе* 'заклад'. В современных языках не встречается.

تيكما *тегмä* 'каждый', 'всякий': *эҙмäррäд раңгин алды тегмä бир таг* (191) 'и каждая из гор приняла изумрудный цвет'; *тегмä бир кӱн бир йаңы йергä керäк ким йеткäсäң* (191) 'чтобы каждый божий день ты достигал какой-либо новой земли'.

КБ, Рабг., НФ, МН *тегмä*. В современных языках не сохранилось.

جتوک *чäтӱк* 'кошка': *ҡачан болса чäтӱк 'аҳриз* (36) 'когда кошка оказывается беспомощной'.

МК с пометами "огуз" *чäтӱк*, "чигил" – *муш* 'кошка'; Ибн-М. *четик*, АЗ, Абу-Х., Кав., Булг., КД *четӱк*. ШС *четик оты* – название травы. Совр. азерб., туркм. *пишик*; тур. *kedi*; уйг. *мӧшӱк*, узб. *мӱшӱк*, казах. *мысық* <*муш*; тат. *мәче* и *песи* <*муш*.

جرى، جريک *чäри, чäрик* 'войско': *султанға бир аҙыр дулман чäриси келди; булар даҳы чäрик йасап ҡаршы йӱридилäр; ики чäри муҡабил болды* 'на султана напало крупное вражеское войско; и эти собрали войско и двинулись навстречу; два войска стали друг против друга'.

МК *чäриг*, др.-уйг., Ибн-М. *черик*, Абу-Х. *черик, чери*. КД, Булг. *чери*. ШС *чери, черик* и *черикläмäк* 'собрать войско'. До недавнего прошлого это слово употреблялось в уйгурском языке как в значении 'война', так и в значении 'войско' (параллельно с арабским *әскәр*). В турецком употреблялось без конечного согласного, а в настоящее время встречается лишь в составном *yeniçeri* 'янычары'. В тюркские языки проникло через монгольский.

جونک *чоң* 'очень', 'большой': *чоң сäвди ҳожа ҳандан ҡулны бек* 'очень сильно, от всей души полюбил хозяин раба'.

В МК и в других словарях не зафиксировано. Совр. уйг., кирг. *чоң* 'большой'.

جيک *чиг* 'сырой': *чиг кирпич* (297) 'сырой кирпич'.

АЗ, Абу-Х. *чи*, Ибн-М. *чиә*; совр. тур. *çiğ*, тат. *чи*, туркм. *чиели*; в уйг., узб. языках употребляется перс. *хам*.

حواجەداش *ҳожадаш* 'сослуживец', букв. 'товарищ по службе': *аның ҳожадашлары* 'его сослуживцы'.

АЗ только *ҳожа*, в других словарях и памятниках образование *ҳожадаш* встречается, а в современных языках не употребляется.

ساغينماق *сағынмаҡ* 'думать': *сағынғай сән ким, ҡараңғу кечädä толун ай тоғды* (421) 'подумаешь, что в темную ночь взошла полная луна'.

МК, Рабг., Атеб., Абу-Х., Ибн-М., Анат. Кор., НФ *сағынмаҡ*. Орх.-ен. пам., КБ, уйг. юрид. док. *саҡынмаҡ*. МК, КБ, Алт.-Йар. *саҡынч* 'думы', 'мысли', КД, Анат. Кор., ШС *сағынч*. В языках огузской группы не сохранилось. Узб., уйг., тат., казах. *сағынмаҡ* 'скучать', 'соскучиться', 'тосковать', 'истосковаться', фактически восходящий к основному значению 'думать'. См. *саҡынмаҡ*.

ساقيشلاماق *саҡышламаҡ* 'рассчитывать': *Айа оҡ атҡучы, йахшы саҡышлап илк, андан ат* (338) 'О стрелок, сначала хорошо рассчитай, а потом стреляй'.

КБ, МК, Алт.-Йар., КД *саҡыш* 'счет', 'исчисление'; Ибн-М., Анат. Кор., КД *саҡышламаҡ* 'рассчитать', Ибн-М. *саҡышчы* 'тот, кто проверяет отчетность' (имеется в виду на том свете) и *саҡыш ҡӱнӱ* 'день отчета' ('день всеобщего воскресения'). Совр. тур. *sayı* 'счет', 'расчет'> > *sayıcı* 'счетчик' (неологизмы). В кыпчакских языках не сохранилось.

ساقينماق *саҡынмаҡ* 'думать', 'предполагать': *саҡынғай сән ким, өлӱп турурлар* 'подумаешь ты, [что] они умерли'; *мän мунуң хилафин саҡынур эдим* (114) 'я предполагал обратное этому'.

См. *сағынмак*.

شيش *шиш* 'вертел', 'железная палочка для шашлыка':

Буйурса беш йумуртҡаны алурға кӱч билä султан,
Нӧкäрлäри тутуп санчар йигирми ҡазны бир шишҡа
Если распорядится султан насильно отнять пять штук яиц,
То его слуги поймают двадцать гусей и зажарят всех на одном вертеле.

МК *шиш* и *сиш*, совр. тур. *şiş*, Ибн-М., АЗ *шиш* > *шишлик* 'мясо, предназначенное для шашлыка', отсюда русск. *шашлык*. Совр. тур. *şiş kebap* 'шашлык', туркм. *чиш, чишлик, чишы*.

شيشلاماک *шишлäмäк* 'жарить мясо': *Нәшин Нәзан äдилäй эвдä кейик шишлäдилäр* (299) 'Нуширвану Справедливому на охоте зажарили дикую козу'; *шишлäмиш каз эти* (178) 'жареный гусь'; АЗ, Абу-Х., совр. тур. *шишлäмäк* 'насадить мясо на вертел'.

См. *шиш*.

قاتیندا *қатында* 'возле', 'при' (используется в служебной функции): *не гизли разың болса, ким эрсә қатында ачмавил* 'если у тебя есть сокровенная тайна, ни при ком ее не открывай'; *қатымызда йүз йашар кими бар* (126) 'у нас есть человек столетнего возраста'.

МК *қат* 'при' с пометой "огуз"; АЗ, Ибн-М. *қатымда, қатымдавы, қатында, қатындан*. Основа *қат* имеет также значение 'слой', 'этаж', 'сторона': МН наряду с *йети қат* 'семислойный', употребляется и в служебном значении. Cod. Cum., Хул. *қат*; Рабг. *қатла* 'раз': *миң қатла* 'тысяча раз'; НФ *анасы қатынва* 'к матери'; Анат. Кор. *бизим қатымыздадур* 'он возле нас'; Сир. Кул. *қат* 'слой', 'этаж'; ШС *қат* 'слой', 'сторона'. Сир. Кул., Алт.-Йар. *қата* 'раз' (*он қата* 'десять раз'). АЗ *қатла* 'раз', Мук.-Ад. *ики қат* 'два раза' и в служебном значении *қатымда* 'при мне', *қатыда* 'при нем', *қатыва* 'к нему'. Совр. тат. *кат* 'раз'.

قاندا *қанда* 'где': *отурсаң қанда байқуш тек йықарсән* (312) 'где сядешь, там все разрушаешь, как сова'.

Рун. пам. *қанта* 'где', орх.-ен. пам. *қантан* 'откуда', МК, ШС, Алт.-Йар. *қанда* 'где'. Имеет общий корень с орх.-ен. *қантайын* 'каким образом', *қан* 'где'; КД, Рабг., ШС, Атеб., Ибн-М., КД, Булг. *қанда* 'где', *қанча* 'сколько'; МК, Ибн-М., Кав., Хул., Cod. Cum. АЗ *қайда*; Cod. Cum. также *хайда*; АЗ *қайдаса* 'где бы то ни было'. ШС *қайдав* 'как', *қанги* 'квкой', 'который', *қайан* 'какой', 'куда'. Совр. узб. *қандай* (разг. *қанақа*) 'какой'; уйг. *қандақ* 'какой', азерб. *hanы* 'где', *hансы, hанқы* 'который'. Как видно из приведенных выше примеров, первоначальная основа *қа* (> *қан*//*қай*). От последней в дальнейшем образовались узб., тат., казах. *қайси* 'какой', 'который', *қайда* 'где', *қайдан* 'откуда', туркм. *хайсы* 'который', узб. *қайва* 'куда', а также узб. разг. *қайдам* 'не знаю'.

قاندان *қандан* 'откуда'. См. *қанда*.

قایورماق *қайурмақ* 'огорчаться', 'печалиться', 'беспокоиться', 'заботиться': *мәлик айтты — қайурма ким, мән аны ләшкәрgә берүрмән* (180) 'правитель сказал — он не горюет, что я его направляю в армию'.

АЗ, Булг. *қәйырмақ* 'печься о ком-л.', а *қайырламақ* 'обращать внимание'. КД *қайурмақ*, Анат. Кор. *қайурмақ, қайырмақ*. ШС, Мук.-Ад. *қайғу* 'печаль', 'горе', 'забота', *қайғурмақ* 'огорчаться'. В АЗ две формы основы *қайғу, қайва* и глагол *қайғырмақ*. МК *қадғу, қазғу*. Др.-уйг. пам. *қазғу* встречается параллельно с *қайғу*. Кав. *қайғырмақ*, МК *қазғурмақ, қайғурмақ*; Анат. Кор. *қайғуланмақ* 'печалиться'. Совр. тур. — параллельное употребление обеих форм *kaygılanmak* и *kayırmak*, а также самостоятельное употребление основы *kaygı* (*kaygu*). От основы глагола *kaygırmak* образуются производные формы, например: *kayırık* 'тот, за кого просят', а от основы глагола *kaygırmak* производные

не образуются. Азерб. *қайғу, қайғы* 'забота', туркм. *гайғыланмак* 'печалиться'. В уйгурском, узбекском, татарском и казахском языках глагол образуется лишь от основы *қайғу*//*қайғы*.

قارارماق *қарармақ* 'темнеть', 'мрачнеть', 'становиться темным, черным': *Қур'ан оқуса, эшиткәнләрниң көңли қарарур эди* (279) 'когда он читал Коран, мрачнели сердца слушателей'.

МК, Алт.-Йар., АЗ, Кав., чагат. *қарармақ*, МК *қарартмақ* (форма понуд. залога). Обе формы сохранились в совр. тур. языке; в тат., казах., уйг., узб. *қараймақ* (чередование *р*//*й*); туркм. *гарламак*.

قراقولاق *қара қулақ* 'шакал', 'рысь': *қара қулаққа сордылар* (46) 'у шакала спросили'.

ШС *қара қулав* имеет несколько значений. Совр. тур. *karakulak* 'степная рысь' (каракал).

قیرناق *қырнақ* 'молодая рабыня': *узун бойлы, қамар йүзли, кейик көзли қырнақ* 'высокая луноликая рабыня с глазами газели'.

МК *қырнақ* с пометами "ябаку, кай, чомул, басмыл, огуз, йемек, кыпчак"; Абу-Х., АЗ *қырнақ*, а также параллельно синоним *қараваш*, а МК, Рабг., Ибн-М. *карабаш*. Совр. туркм. *гырнак*.

قمو *қаму* 'все': *мәним қавми-қәбиләмниң қамуси 'әлим эрдиләр* (241) 'все мои родственники и соплеменники были учеными'.

МК, орх.-ен. пам., КБ, Рабг., ШС, Абу-Х. *қамуг*; Сир.-кул. *қамуң, қамуе*; КД и НФ *қаму*; др.-уйг. пам. *қамуе, қамае*; НФ еще *қамуң* и *қамув*. Ср. совр. азерб. *hамы*.

قورلا *қурла* 'раз': *тәмүр туввак билә миң қурла йахши* (88) 'тысячу раз лучше кующая железо рука'; *хәлвәни даги бир қурла йерләр* (214) 'и халву ведь один раз едят'.

В МК и в других словарях не зафиксировано. Встречается в некоторых уйгурских говорах.

كوركاباى *қөркkәбай*//*көркәбай* (<*көрк* 'красота') 'красивый':

Ол бойи сәрв, хәмалы толун ай,
'Илм-ү эрдәми бирлә камил, көркә бай (көркkә бай)
Она со станом кипариса, лицом как полная луна,
Совершенна своей образованностью и знаниями и
богата красотой.

КЮ, МН *көркәбай*, ср. казахское мужское собственное имя *Көркебай*; *авач көрки йемиш, эрниң кәрәм дур* (185) 'красота дерева — его плоды, а человека — его благородство'. МК, МН, КБ, Ибн-М., Абу-Х. *қөрк* 'красота'; МК, Рабг., Абу-Х., КБ *көркліг*, АЗ *көркли* 'красивый'; глагол у МК *көркәзмәк, көркәтмәк* (формы действ. и понуд. залога); в чагат. формы

действ., понуд. и страд. залога *көркәймәк, көркәйтмәк, көркәмләнмәк*; Ибн-М. *көрклү, көркләг* 'красивый'; Ибн-М., Рабг. *көрксүз* 'некрасивый'; КБ *көргү* 'красота', 'красивый', Алт. Йар. *көрклә* 'красивый'. Совр. тур. *gorkem* 'великолепие', 'пышность', 'блеск' (неологизм). В азерб. *көрк* вытеснено словом *гөзәл*. Туркм. *гөркли* и *гөрмегей* 'красивый'. В уйгурском, татарском, казахском языках основа *көрк* самостоятельно не употребляется, однако она сохранилась в современном узбекском языке; ср. узб. *қурксиз* 'некрасивый', *куркам* 'красивый' (вместо *курклуг*), *куркамлик* 'красота' (вместо *курк*). Тат. *куркәм, куркле* 'красивый'. В казахском употребляется глагол с возвратным значением *көркемдену-* 'становиться красивым, разукрашенным'.

كونى *көни* 'верный', 'правдивый', 'прямой': *сәни мақсудына әлтүр көни йол* 'правдивый путь приведет тебя к твоей цели'.

КБ *көни* и *көнилик* 'правдивость', 'справедливость'. Совр. тур. неологизм *könü* 'справедливый', *könülük* 'справедливость'; Мук.-Ад. *кәни* 'прямой'.

كيربيچ *кирпич* 'кирпич': *фәриш көк мәрмәр, кирпичләрі бирүзә* (297) 'мощенное из голубого мрамора, а кирпичи из бирюзы'.

МК *кәрпич*, Абу-Х. *кёрпӱч*, Булг., ШС, Мук.-Ад. *кирпич*, АЗ *кирпич, керпич, килӱрпич*, Ибн-М. *керпич*, азерб. *кэрпич*, туркм. *керпич*. В уйг. вытеснено перс. *хишт*, а в узб. — *гишт*. Тат. *кирпеч*, казах. *кірпіш*.

مونكماق *муңмақ* 'болтать глупости', 'нести вздор': *оғлы дәм-бадәм тә'нәләр урур ким, атам қарип муңуп турур деп* (267) 'сын то и дело упрекает его и говорит: мой отец постарел и болтает глупости'.

МК *муңмақ*, Ибн-М. *муңмақ* 'обезуметь'.

منكيزليق *меңизлик* 'похожий', 'подобный': *нечә ким меңизлик этип су тиләди, бермәдилӛр* 'как только он ни просил пить, однако ему не дали'.

МК *меңиз* 'лицо' > *меңизлиг* 'красота', *меңизләнмәк* 'становиться красивым'; МК, Мук.-Ад., КБ *меңзәмәк*, Абу-Х., АЗ *меңзәмәк*, ШС *меңзәмәк* < *меңиз* 'похожий'. Совр. тур. *benzetek*, азерб. *бэнзэмэк*, туркм. *менземек* 'быть похожим'.

يرغو *йарғу* 'судебное разбирательство': *олтуруп йарғу йарарда қил йарар* (13) 'когда сядет разбирать судебные дела, справедливо судит'.

С.Е.Малов в "Памятниках" [21] приводит *йарғаң* — судебный чин; по-видимому, слово *йарғаң* и существовавшее в среднеазиатских ханствах слово *дарга* восходят к общему корню. Мук.-Ад. приводит *йарғу* общее как для монгольского, так и тюркского. ШС (для чагат.) *йарғучақ* значение 'ручная мельница', однако *йарғу, йарғы* (ШС) 'конфискация', а *йарғучы* 'судебный исправник', *йарғыламақ* 'разбирать судебное дело'. Выражение *йарғу йарарда қил йарар* встречается в МН. Совр. тур. *yargı* 'судебный процесс', *yargıç* 'судья', *yargılamak* 'судить' (неологизмы); ср. тур. разг. *yargučak* 'ручная мельница'.

يغرين *йағрын* 'загривок', 'спина', 'верхняя часть спины у плеч': *ол оғлан экән йағрынма ағыр қамчылар индирди* (88) 'когда он был юношей, наносил сильные удары кнутом по моей спине'.

АЗ, Абу-Х., Ибн-М. *йағрын*; Кав. *йағурум*; МК *йағрынламақ, йағрынламақ* 'бить по спине'.

TL
turklib.uz
Turkiston kutubxonasi

ПОЭТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ XIV В. "МУХАББАТ-НАМЕ" ХОРЕЗМИ

Сложен путь формирования, развития и становления письменных литератур и литературных языков тюркских народов.

Первые дошедшие до нас памятники тюркоязычной литературы "Кутадгу билиг" Юсуфа Баласагунского (XI в.), "Диван-и хикмет" поэта-мистика Ахмада Есеви (XII в.), "Атебат ал-хакаик" Ахмада-адиба Югнаки (XII – начало XIII в.). свидетельствуют о том, что формировавшиеся литературные языки имели в своей основе языки различных племенных объединений. Для указанного периода можно говорить о двух основах литературных языков – уйгурско-карлукской и кыпчакско-огузской, которые так или иначе находили отражение в любом произведении той эпохи и линия которых отчетливо прослеживается в литературных языках последующих периодов, в частности XIV – XV вв.

Во второй половине XIII – начале XIV в. происходит формирование двух литературных языков: среднеазиатского тюркй и тюркй Поволжья и Урала. Первый, представленный такими произведениями, как "Кысас ул-Анбийя" Рабгузи и "Тефсир", явился дальнейшим развитием уйгурско-карлукского литературного языка с ограниченным влиянием тюркских языков огузской группы. Второй, представленный такими памятниками, как "Мухаббат-наме" Хорезми, "Хосрау и Ширин" Кутба, перевод "Гулистана" Саади и др., сложился на кыпчакско-огузской основе и включал гораздо больше огузских элементов, чем среднеазиатский тюркй. Несмотря на то, что памятники, написанные на этом языке, создавались на обширной территории от низовьев р.Сырдарья до Малой Азии и Египта, они обнаруживают лишь незначительные языковые расхождения, которые можно трактовать как диалектные. Становление "тюркй" Поволжья – Урала исторически связано с периодом расцвета Золотой Орды и ее культурных центров (Сарайя, Сыгнака и Ургенча) во второй половине XIII в. и в первой половине XIV в., что в известной степени позволяет говорить об особом литературном языке Золотой Орды, отличном от так называемого чагатайского языка.

Появление литературного языка Золотой Орды имело свои исторические и языковые предпосылки. Как известно, обширная степь Дешт-и Кыпчак за полтораста лет до прихода монголов была занята кыпчаками. Кыпчаки в основном вели кочевой образ жизни, и только небольшая часть их в низовьях Сырдарьи и Волги, а частично и Дона, перешла к оседлости. Пришедшие сюда и здесь осевшие незначительные

группы монголов вскоре полностью тюркизировались. Арабский историк ал-Омари, побывавший на территории Золотой Орды в первой половине XIV в., писал: "В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого что монголы [и татары] поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с их дочерьми и оставались жить в земле их (кыпчаков)" [35, с.213 – 214 (текст), 235 (перевод)].

Кыпчакская основа составила базу того литературного языка, который оформился и получил развитие на этой территории в XIII – XIV вв.

В этот период территории в низовьях р.Сырдарья и Северного Хорезма, тюркизированном еще в XIII в., входили в состав Золотой Орды и были населены различными тюркоязычными племенами, значительную часть которых составляли огузы. А.Ю.Якубовский в связи с этим пишет: "В создании литературного языка и литературной культуры Золотой Орды также большую роль сыграл Хорезм. Целый ряд художественных произведений, вышедших из Золотой Орды, обнаруживает в своем языке прямую связь с языковыми элементами Хорезма и городов нижней Сыр-Дарьи, т.е. территории Ак-Орды" [42, с.175].

Огузские элементы составляют значительную прослойку как в грамматике, так и в лексике литературного языка Золотой Орды.

Вместе с тем включение Хорезма, исторически связанного со Средней Азией, в состав нового государственного объединения не могло не привести к тому, что в литературный язык этого периода, в создании письменных памятников на котором наряду с булгарскими и разноплеменными местными писателями принимали активное участие и хорезмские ученые и писатели, неизбежно были привнесены языковые элементы, характерные для среднеазиатского тюркй. И хотя господствующим устным языком в Сарайе был кыпчакский, литературный язык в известной степени был близок к уже существовавшему тогда среднеазиатскому тюркй. Официальные документы в Золотой Орде писались то на чисто кыпчакском, то на установившемся литературном языке. Быть может, под влиянием переписчиков-бахши, уйгуров по происхождению, отчасти и как дань существовавшей тогда литературной традиции в литературном языке отмечается и незначительное количество уйгурских элементов.

К XIV в. правящая верхушка Сарайя уже приняла ислам, что способствовало притоку сюда большого количества ученых, поэтов, писателей, ремесленников из среднеазиатских городов, раздираемых междоусобными войнами и набегами кочевников. Культурно-экономические связи со Средней Азией народов Поволжья, особенно Нижнего Поволжья, в XIV в. значительно усилились. Сравнение памятников куль-

туры XIV в. из Сарайя, Булгара и Ургенча показывает, что культурная традиция народов Средней Азии, в частности Хорезма, оказала сильнейшее влияние на материальную культуру и искусство Золотой Орды. В развитии культуры городов Золотой Орды принимали участие кроме местных ученых, ремесленников и мастеров также приезжие или насильственно угнанные из других стран. Живое общение народов Поволжья и Средней Азии способствовало еще большему проникновению в литературный язык Золотой Орды среднеазиатских элементов, в том числе существовавших в литературных языках тюркоязычных народов Средней Азии архаизмов, уйгурских элементов, значительного количества арабских и персидских слов. Проникнув в литературный язык Золотой Орды, они становятся общими элементами для ряда тюркоязычных литератур.

На литературный язык нового государственного объединения могли оказать влияние нормы и традиции письменного языка предшествующей эпохи, представленного, например, таким произведением, как "Диваи-и хикмет" Ахмада Есеви, которое было популярно среди тюркского населения Дешт-и Кыпчак, Поволжья и Урала.

Одним из произведений, свидетельствующих о существовании в Золотой Орде, в частности на территории Ак-Орды, в XIII—XIV вв. художественной тюркоязычной литературы и литературного языка, является "Мухаббат-наме" Хорезми.

Нам неизвестно имя автора, Хорезми — его литературный псевдоним. Этот псевдоним упоминается в "Латафат-наме" Худжанди, произведении, созданном в XV в. в Средней Азии в подражание "Мухаббат-наме". В конце перевода "Гулистана" Саади, сделанного в XIV в. в Египте Сейфом Сарайи, имеется газель, принадлежащая Хорезми. Быть может, наш поэт и этот Хорезми — одно и то же лицо. Стамбульский список "Нахдж ал-фарадис", произведения, созданного в то же время на территории Золотой Орды, переписан еще при жизни автора неким Хорезми. Известно, что поэты нередко ради заработка переписывали чужие труды. Можно высказать предположение, что этот Хорезми — автор "Мухаббат-наме".

В разделе "Завершение книги" поэт говорит:

Сүйүнсүн бәндә Хорәзми-Рәвани
(439)
Пусть радуется раб Хорезми-Равани.

Мы знаем нескольких средневековых поэтов, которые носили тахаллус Равани. Не исключено, что это второй литературный псевдоним поэта; если это так, то полный его псевдоним — Хорезми-Равани.

Даты рождения и смерти поэта неизвестны. Дату создания "Мухаббат-наме" поэт сообщает в следующих строках:

Бу дәфтәр ким болуптур Миср қәнди,
Йети йүз элли төрт ичрә түгәнди
(440)

Это произведение — [прекрасное, как]
египетский сахар,
Завершено в семьсот пятьдесят четвертом году
(754 г.х. соответствует 1353 г. н.э.).

На этой же странице поэт сообщает:

Мухәббәт-намә сөзин мунда битттим,
Қамувин Сыр йақасында битттим
(437)
Здесь написал я слова Мухаббат-наме,
[Работу] я закончил на берегу Сыра.

Произведение было написано по просьбе Мухаммада Ходжабека, о котором в разделе "Славословие" есть такие строки:

Зәхи әрслән йүрәк Қоңрат уруви
(64)
Хвала тебе, храбрый лев [родом] из племени Конграт

и далее:

Шаһәншаһ Жанибек-ханеа йетән сиз
(66)
Вы находитесь в родственной связи с шахиншахом Джанибеком.

Других сведений о Мухаммаде Ходжабеке мы не имеем. Известно, что Джанибек, сын Узбек-хана, с именем которого Хорезми связывает имя Мухаммада Ходжабека, правил Золотой Ордой с 1342 по 1357 г. Поэт говорит о том, что свое произведение он создал на берегу р.Сырдарья. Известно, что низовья р.Сырдарья и культурный центр Сыгнак в эпоху создания памятника были наиболее населенной частью Ак-Орды (Белой Орды), существовавшей в этот период в пределах Золотой Орды уже на правах самостоятельной области. Таким образом, "Мухаббат-наме" — этот замечательный памятник XIV в. — был написан в одном из культурных центров того времени, где за двести лет до этого был создан "Диваи-и хикмет" поэта-мистика Ахмада Есеви; возможно, языковая близость двух этих памятников в известной мере обусловлена и этим обстоятельством.

Сочинение "Мухаббат-наме" Хорезми известно по двум спискам. Один из них арабописьменный, он относится к XIV в.; другой, более ранний и, как мы увидим ниже, более дефектный и неполный, написан уйгурским письмом. Обе рукописи хранятся в Лондоне. Арабописьменный вариант, хранящийся в Британском музее под шифром Add. 7914 [67, с.290], относится к 914 г., т.е. к 1508—1509 гг. Рукопись хорошо сохранилась. Впервые она была исследована А.Н.Самойловичем [32, с.1—23]. Некоторые письма и газели из этого списка опубликованы в транскрипции в хрестоматиях, учебниках по узбекской литературе и в "Антологии узбекской поэзии" [4, с.95—98; 38, с.97—98]. Уйгурописьменный вариант составляет часть большой сборной рукописи, хранящейся в Британском музее под шифром

Or. 8193. Сообщение об этом сборнике было сделано еще в 1924 г. В.В.Бартольдом [6, с.57—58]. Этот сборник содержит различные религиозные и поэтические произведения и составлен в марте — апреле 1432 г. бахши Бакыр Мансуром для Мир Джелаледдина, который в 1407—1444 гг. занимал при Шахрухе должность верховного военачальника в Герате. В этом сборнике уйгурописьменный вариант "Мухаббат-наме" размещен на с.158б—177а. В.В.Бартольд отмечает, что "Мухаббат-наме" является довольно ранним поэтическим произведением, написанным в Золотой Орде.

Уйгурописьменный вариант этого памятника исследован А.М.Щербаком [39]. В 1957 г. в Неаполе в "Анналах" университета опубликована первая часть исследования Т.Ганджеи [57, с.135—166], содержащая транскрипцию этого варианта с критическим аппаратом и факсимиле.

Арабописьменный вариант состоит из 47 страниц, заключающих 948 стихотворных строк, или 474 бейта. Один бейт (364) повторен дважды.

Произведение состоит из одиннадцати писем влюбленного к своей возлюбленной.

Первоначально поэт предполагал составить свой труд из десяти писем, причем два из них написать на фарси:

Мухаббат-намани он нама қылдым
(61)
Мухаббат-наме я составил из десяти писем

Қылайын икки бабын парсы хам
(62)
Две главы напишу на фарси.

Но в месневи к десятому письму мы видим, что поэт изменил первоначальный замысел и написал одиннадцатое письмо на фарси:

Бурун он дедим, он бир болды
(382)
Я раньше говорил десять, а получилось
одиннадцать.

До создания "Мухаббат-наме" Хорезми писал на фарси. Указание на это мы находим в словах, вложенных поэтом в уста Мухаммада Ходжабека:

Көңүл бахриндә көп гавхәрләриң бар
Ахунда парсы дәфтәрләриң бар
(34)
Много жемчуга в море твоего сердца,
[Много] в мире твоих книг на фарси.

Поэт, видимо, был известен в то время; об этом свидетельствует следующий бейт:

Мухаббат-нәрдини көпләрдин уттуң,
Шәкәр тек тил билә 'аламни туттуң
(35)
В лирических стихах ты превзошел многих,
Сладкой, как сахар, речью ты покорил [весь] мир.

Как известно, таджикско-персидская литература оказала значительное влияние на тюркоязычную литературу. Она привнесла в нее определенные литературные жанры и формы, метрику и поэтические приемы и т.д. Первые поэтические произведения, в частности газели, рубаи и другие, написанные на тюркском языке, с формальной стороны трудно было отличить от соответствующих стихов, написанных на фарси. Это влияние усиливалось и через переводную литературу, благодаря чему появлялись дополнительно новые литературные формы. Впоследствии арабско-персидские литературные жанры и формы и метрика стали неотъемлемой частью тюркоязычных литератур. Хотя "Мухаббат-наме" Хорезми вполне оригинальное произведение, нельзя сказать, что оно свободно от влияния таджикско-персидской литературной традиции. Именно в арабописьменном варианте композиция произведения в полной мере сохраняет традицию жанра "наме". Произведение, написанное в жанре "наме", начинается славословием бога, пророка и его сподвижников, затем следует восхваление того лица, которому посвящается произведение, далее обычно дается лирическое отступление — "газель", затем излагается причина, побудившая написать произведение, и, наконец, автор приступает к письмам — "наме". Каждое письмо сопровождается месневи и иногда газелью. Аналогичную композицию мы находим и в "Мухаббат-наме". После традиционного восхваления бога и пророка поэт говорит о своей первой встрече с Мухаммадом Ходжабеком, излагает его просьбу написать произведение на родном языке. Далее следует славословие, месневи и газели, посвященные Мухаммаду Ходжабеку. Наконец, поэт приступает к письмам:

Мухаммад Ходжабек мадҳин түгәттим,
Мухаббат-намани бунйад этттим
(102)
Я закончил похвалу Мухаммад Ходжабеку,
Я приступил к [созданию] Мухаббат-наме.

Затем идут письма, сопровождающиеся месневи, которые по своему характеру являются "саки-наме" — вакхическими песнями. Четвертое, восьмое и одиннадцатое письма написаны на фарси. После третьего письма газель на тюркском языке, а после одиннадцатого — газель на фарси. Произведение завершают "Обращение к богу", кыт'а, "Окончание книги" и "Рассказ" на фарси. Оканчивается книга "Просьбой поэта".

Уйгурописьменный вариант составлен через 79 лет после написания оригинала и на 77 лет раньше арабописьменного варианта. Однако не всегда более ранняя копия является более надежной и ценной. В уйгурописьменном варианте отсутствуют все фрагменты на фарси. В нем нарушена композиция поэтического произведения данного жанра, отсутствуют все заглавия писем, месневи и т.д. — они везде заменены стандартными словами *сөз баши* 'начало повествования'. Кроме того, в уйгурописьменном варианте отсутству-

ют 53 бейта тюркоязычной части произведения, среди которых бейты с указанием даты и места создания произведения, а также бейты, раскрывающие первоначальный замысел автора, и др.

В языковом отношении арабописьменный вариант сохранил также значительно большее количество архаичных форм и характерные для кыпчакского языка негубные варианты аффиксов.

Уйгурописьменный вариант может принести некоторую пользу при текстологической работе для выяснения частных вопросов.

В определении характера языка "Мухаббат-наме" существуют различные точки зрения. Одна из них, представленная в работе М.Ф.Кёпрюлюзаде "Первые мистики турецкой литературы", отражает взгляд на это произведение как на памятник "чагатайского" языка. Иное определение дает А.Н.Самойлович: "Изучение „Мухаббат-наме" Хорезми привело меня к иному мнению о языке этого произведения... Не признавая памятниками чагатайского языка и чагатайской литературы основные тексты „хикметов" Ахмеда Есеви и „Кысасу-ль-энбия" Рабгузи, я не считаю возможным относить к произведениям этого языка и этой литературы также и „Мухаббет-наме" Хорезми. „Мухаббет-наме" особенно важно потому, что оно не только свидетельствует о существовании местных турецких (тюркских. — *Э.Н.*) литературных деятелей в Золотой Орде в XIV в., но и доказывает наличие в Джучиевом улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями *местных* золотоордынских диалектов, языка, значительно отличного поэтому от чагатайского и относящегося к эпохе, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе не обнаруживал еще заметного развития. Мы не знаем ни одного крупного памятника чагатайского языка, языка группы *j*, а не *д* (как труд Рабгузи) в Чагатайском улусе за XIV в." [32, с.5]. Тот факт, что арабописьменный список относится к XVI в., по мнению А.Н.Самойловича, не мог заметно изменить язык произведения, так как оно написано квантитативным метром аруз: замена слова изменила бы размер и рифму.

Нам представляется, что анализ языка "Мухаббат-наме" подтверждает правильность второй точки зрения и доказывает существование литературного языка Золотой Орды, отличного от так называемого чагатайского языка, становление и формирование которого относится к более позднему периоду.

Общими чертами языка таких памятников, как "Мухаббат-наме", "Хосрау и Ширин", перевод "Гулистана", "Нахдж ал-фарадис" и др., созданных в низовьях р.Сырдарья, в Хорезме, Сарайе и Египте, являются, на наш взгляд, преобладание явно кыпчакских элементов как в грамматике, так и в лексике; заметное ослабление влияния уйгурского языка; наличие значительного количества морфологических показателей, характерных для отдельных огузских диалектов, причем огузских элементов в этом литературном языке значительно больше, чем в чагатайском (староузбекском) литературном языке; сохранение некоторого количества архаизмов как в лексике, так и в морфологии как дань существовавшей литературной традиции. Архаизмы и уйгурские элементы могли привноситься также переписчиками-бахши, уйгурами по происхождению. Некоторые диалектные расхождения в языке этих памятников могут быть объяснены и принадлежностью их авторов к различным племенам.

Следует учитывать также и то, что язык того или иного памятника определяется содержанием произведения. Например, "Мухаббат-наме" по языку отличается от богословско-дидактического произведения "Нахдж ал-фарадис", хотя они созданы почти в одно и то же время и в пределах одного и того же государства. Язык сочинения "Нахдж ал-фарадис" имеет некоторые общие черты с языком среднеазиатского "Тефсира", несмотря на то что они написаны на разных территориях, на разных литературных языках. Как известно, язык религиозных произведений более консервативен и сохраняет в течение многих веков значительное количество арабско-персидских элементов и архаизмов.

Отнесение памятников письменной литературы не только послемонгольского периода, но даже XI—XII вв. к одному общему языку без тщательного лингвистического анализа неизбежно привело бы нас к научно неверному выводу. На первых этапах своего формирования тюркские литературные языки не могли не оказывать влияния друг на друга; в результате частых перемещений и смешений тюркских племен одни и те же языковые элементы могли проникать в литературные языки различных групп. Эти зачатки, или истоки, отдельных тюркских литературных языков мы не можем считать одним общим для всех тюркоязычных народов литературным языком или рассматривать их как определенные этапы в развитии единого чагатайского литературного языка. Нельзя не учитывать и то, что отдельные литературные языки складывались на базе племенных языков, носители которых впоследствии вошли в состав различных тюркских народов и наций. Так, литературный язык Золотой Орды был общим для ряда племен, населявших огромную территорию, куда входили и низовья р.Сырдарья и северный Хорезм. Эти племена впоследствии участвовали в формировании современных узбеков, казахов, башкир, туркмен, татар, крымских татар и др. Поэтому есть основание литературные памятники этого периода, созданные на данной территории, считать общим достоянием, общим наследием этих народов.

Узбекские племена Ак-Орды, входя первоначально в Золотую Орду и принимая активное участие в создании ее культуры, после прихода в Мавераннахр ассимилировались с ранее пришедшими сюда тюркоязычными племенами и местным таджикским населением и образовали впоследствии современную узбекскую нацию. Будучи одними из наследников золотоордынской культуры, они стали вместе с тем преемниками и продолжателями чагатайской культуры и литературы, которая на этом основании в настоящее время называ-

ется староузбекской. Эта феодальная литература высшего образованного класса продолжала существовать и при последующих государственных образованиях, в то время как на севере, у других тюркских племен, входивших когда-то в состав Золотой Орды, культурная жизнь в силу исторических обстоятельств сошла фактически на нет. Художественная литература почти полностью исчезает, уступая место богословско-дидактической.

Татарский литературный язык проделал очень сложный и трудный путь развития, возродившись в XIX в. на новой почве, он воспринял и сохранил, однако, в известной степени некоторые традиционные архаические формы и нормы старого литературного языка — литературного языка Золотой Орды. Эти языковые традиции сохранялись и поддерживались татарскими учеными, муллами, поэтами, получившими образование в различных городах Средней Азии. Все это обусловило то, что до Великой Октябрьской социалистической революции, когда качественно изменилось соотношение литературного и общенародного языка, литературные узбекский, татарский и другие тюркские языки имели очень много общих элементов.

Таким образом, история литературы и литературного языка ряда тюркских народов (например, узбекского, татарского, казахского, туркменского и др.) тесно связана с литературным языком Золотой Орды и созданным на этом языке литературным наследием. Изучение языка "Мухаббатнаме" — одно из звеньев большой работы по исследованию становления и формирования литературного языка Золотой Орды, анализу его памятников, уяснению его связей с другими литературными языками тюркских народов, определению влияния его норм на литературные языки более поздних периодов.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ XIV В. "ХОСРАУ И ШИРИН" КУТБА

Одним из наиболее ценных памятников художественной литературы XIV в. на тюркском языке является "Хосрау и Ширин" Кутба, который считается вольным переводом одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами, написанного на персидском языке. Единственный дошедший до нас список этого произведения хранится в Национальной библиотеке в Париже, в Ancien Fond Turk под № 312. Сохранившаяся копия снята в 1383 г. в Египте, в Александрии, при последних кыпчакских правителях поэтом-кыпчаком Берке Факихом.

А.Н.Самойлович определил эту рукопись и ее язык как золотоордынские и отнес ее к наиболее ранним памятникам этого государства [32, с.6]. Он считал, что памятник создан на территории Золотой Орды, а в Египте снята дефектная его копия. Этот памятник в литературоведческом плане у нас впервые был изучен в Ленинграде А.Т.Тагирджановым (см. его канд. дис.).

Будучи в Париже, с рукописью ознакомился Е.Э.Бертельс; он считал труд Кутба неудачным переводом [10, с.54].

В 1934 г. А.Н.Самойлович в Стамбуле на Втором языковедческом конгрессе сделал доклад о "Хосрау и Ширин" Кутба, который в 1935 г. был опубликован на турецком языке [69, с.34 — 49].

Памятник в целом во многих отношениях изучен крупным польским востоковедом А.Зайончковским. Результаты этого изучения отражены в ряде работ. В 1945 г. он впервые опубликовал факсимиле отдельных страниц со вступительной статьей, где подвергает рукопись детальному изучению, сопоставляя ее с персидским оригиналом, и дает беглые сведения о языке рукописи. Приводятся им в этом издании наиболее интересные лексические материалы [73].

Вопрос о языке рукописи был затронут и М.Ф.Кёпрюлюзаде в 1945 г., который определил его как смешанный огузско-кыпчакский литературный язык XIV в. Золотой Орды [64, с.278].

В 1948 г. А.Зайончковский выпускает в двух частях факсимиле рукописи и транскрипцию, а в 1961 г. полный словарь тюркской части лексики. Словарь составлен на латинской основе в алфавитном порядке с соответствующими примерами, а в нужных случаях и с краткими ссылками на другие памятники и словари [75]. В 1961 г. А.Зайончковский публикует первую часть своего исследования, посвященную стилистике и поэтике этого произведения [76, с.31-82].

В начале восьмидесятых годов автором данного очерка в полной мере изучен язык памятника на основе арабской графики: проанализированы арабописьменные примеры с транскрипцией и переводами, составлен грамматический очерк. Выпущен в свет первый том историко-сравнительного словаря, в основу словника которого положена тюркская часть лексики "Хосрау и Ширин" с соответствующими экскурсами в лексику более ранних памятников (орхоно-енисейских и древнеуйгурских). В необходимых случаях приведены примеры из современных тюркских языков. Словарь снабжен большой обзорной статьей об историко-культурной обстановке того периода.

А.Зайончковский не согласен с мнением А.Н.Самойловича о дефектности дошедшей до нас копии поэмы и считает ее полноценной. К такому выводу он пришел, тщательно сличив перевод Кутба с персидским оригиналом.

Рукопись "Хосрау и Ширин" Кутба состоит из 280 страниц, на каждой из них по 42 стихотворные строки. Текст разбит на 90 глав. Содержание почти всех глав совпадает с содержанием соответствующих глав романа Низами. По средневековой литературной традиции роман начинается славословием бога и его пророков. Затем в романе Низами идет славословие в честь Шаха Музаффараддина Кызыл-Арслана. Кутб заменяет эти главы славословием в честь шахзада Тенибека, сына Узбека, правившего после отца в Ак-Орде (она находилась в вассальной зависимости от Кок-Орды), и посвящает свой труд ему (вскоре убитому его братом Джанибеком, правившим в столице Золотой Орды Сарайе) и его жене. Следует отметить, что в заглавии этого последнего раздела она названа "покойной" (*мархума*). Безусловно, это заглавие вставлено впоследствии переписчиком Берке. Быть может, жена Тенибека была убита одновременно с мужем подосланными из Сарайя убийцами. Как видно из содержания раздела, посвящение написано при жизни Тенибека и его жены.

Представляет интерес вопрос, почему труд посвящен Тенибеку, а не правившему одновременно с ним в Сарайе, в столице Золотой Орды, его брату Джанибеку. Этот факт, очевидно, свидетельствует о том, что книга написана не в Сарайе и, по-видимому, даже за пределами Кок-Орды, где-то, быть может, вне территории Ак-Орды. С другой стороны, Тенибек назван в посвящении "*шахзада*" — царевич Тенибек хан. Почему, если он в это время правил в Белой Орде и был почти самостоятельным ханом этой части Золотой Орды, он назван царевичем? Быть может, книга преподнесена была до его восшествия на престол, когда он еще был царевичем, при жизни отца — Узбека? Если так, то она могла бы быть написана и в Кок-Орде. Однако она завершена в 1341 г., а Узбек умер за год до этого, в 1340 г. В этом же году в Сарайе начал править его сын Джанибек, а его брат Тенибек уже правил. Царевичем он назван, по нашему мнению, просто для того, чтобы подчеркнуть его феодальную зависимость от Кок-Орды, или, быть может, это следует рассматривать как второй компонент составного собственного имени, который указывает лишь на его ханское происхождение.

Египет был связан непосредственно с Сарайем, а Тенибек никогда не правил в столице всего государства. Тем более вызывает удивление следующий бейт поэта:

Йўрисўн Миср-у Шамда йарлыеңңиз
Пусть ваши приказы действуют в Египте и Сирии.

Этот бейт, это пожелание поэта наводит на мысль о том, что, по-видимому, в этот период между двумя царевичами шла упорная борьба за ханский престол в Сарайе, что привело к трагической гибели Тенибека и его жены. Поэт, по всей вероятности, поддерживал партию Тенибека — акордынцев. Поэт, когда завершил свой перевод, был уже пожилым человеком, ибо в конце славословия он говорит о том, что благодаря покровительству Тенибека Кутб проводил бы время как юноша и жил бы при хане.

Тенибек правил в Белой Орде немногим более двух лет. Из славословия, посвященного царице, мы узнаем, что поэт специально приехал к Тенибеку. Быть может, тогда же, вскоре после преподнесения книги, поэт погиб вместе с ханом.

Расхождения с персидским оригиналом имеются и в разделе, где излагаются причины, побудившие поэта взяться за перо.

Далее поэт пишет о трудном пути, проделанном им ко двору хана:

Мурадым эрди ким бу қапуғда
Келип йол тапсамăн теп бу тапуғда
Сăфăр рăнҗин көрўп қăч ăйăам,
Тăпуғқа йеттим эмди ош сăрăнҗам
Моей мечтой было к тому двору
Добраться и найти дорогу к услужению в нем
Испытывая [в продолжение] стольких дней трудности пути,
Наконец-то добрался я до места службы.

Ясно, что если ставка Тенибека была где-то в низовьях р.Сырдарья, то поэт не местный житель, а специально приехал к ханскому двору издалека, не побоявшись трудностей пути.

Вторая половина этого раздела — прославление любви, перекликающееся со стихами Низами.

А.Зайончковский, как мы упоминали выше, раздел за разделом сличил перевод Кутба с персидским оригиналом Низами и пришел к выводу, что это полноценный, но вольный перевод, что содержание тюркоязычной рукописи полностью совпадает с содержанием поэтического романа Низами.

Следует, однако, отметить, что более детальное сличение тюркоязычного "Хосрау и Ширин" Кутба с персоязычным Низами не по заглавиям разделов, а по содержанию всего

рассматривать как второй компонент составного собст-
ного имени, который указывает лишь на его ханское
исхождение.

Египет был связан непосредственно с Сарайем, а Тени-
никогда не правил в столице всего государства. Тем
ее вызывает удивление следующий бейт поэта:

Йўрисўн Миср-у Шамда йарлығыңыз
Пусть ваши приказы действуют в Египте и Сирии.

Этот бейт, это пожелание поэта наводит на мысль о
, что, по-видимому, в этот период между двумя цареви-
ни шла упорная борьба за ханский престол в Сарайе,
привело к трагической гибели Тенибека и его жены.
, по всей вероятности, поддерживал партию Тенибека —
рдынцев. Поэт, когда завершил свой перевод, был уже
нилым человеком, ибо в конце славословия он говорит о
, что благодаря покровительству Тенибека Кутб прово-
бы время как юноша и жил бы при хане.

Тенибек правил в Белой Орде немногим более двух лет.
славословия, посвященного царице, мы узнаем, что поэт
циально приехал к Тенибеку. Быть может, тогда же,
оре после преподнесения книги, поэт погиб вместе с
ом.

Расхождения с персидским оригиналом имеются и в разде-
где излагаются причины, побудившие поэта взяться за
о.

Далее поэт пишет о трудном пути, проделанном им ко
ру хана:

Мурадым эрди ким бу қапуғда
Келип йол тапсамән теп бу тапуғда
Сәфәр рәнҗин көрүп қач аййам,
Тапуғқа йеттим эмди ош сәрәнҗам
Моей мечтой было к тому двору
Добраться и найти дорогу к услужению в нем
Испытывая [в продолжение] стольких дней трудности
пути,
Наконец-то добрался я до места службы.

Ясно, что если ставка Тенибека была где-то в низовьях
ырдарья, то поэт не местный житель, а специально при-
л к ханскому двору издалека, не побоявшись трудностей
ути.

Вторая половина этого раздела — прославление любви,
екликающееся со стихами Низами.

А.Зайончковский, как мы упоминали выше, раздел за
делом сличил перевод Кутба с персидским оригиналом
ами и пришел к выводу, что это полноценный, но воль-
перевод, что содержание тюркоязычной рукописи пол-
ью совпадает с содержанием поэтического романа Низа-

Следует, однако, отметить, что более детальное сличе-
тюркоязычного "Хосрау и Ширин" Кутба с персоязычным
ами не по заглавиям разделов, а по содержанию всего

В начале восьмидесятых годов автором данного очерка в полной мере изучен язык памятника на основе арабской графики: проанализированы арабописьменные примеры с транскрипцией и переводами, составлен грамматический очерк. Выпущен в свет первый том историко-сравнительного словаря, в основу словника которого положена тюркская часть лексики "Хосрау и Ширин" с соответствующими экскурсами в лексику более ранних памятников (орхоно-енисейских и древнеуйгурских). В необходимых случаях приведены примеры из современных тюркских языков. Словарь снабжен большой обзорной статьей об историко-культурной обстановке того периода.

А.Зайончковский не согласен с мнением А.Н.Самойловича о дефектности дошедшей до нас копии поэмы и считает ее полноценной. К такому выводу он пришел, тщательно сличив перевод Кутба с персидским оригиналом.

Рукопись "Хосрау и Ширин" Кутба состоит из 280 страниц, на каждой из них по 42 стихотворные строки. Текст разбит на 90 глав. Содержание почти всех глав совпадает с содержанием соответствующих глав романа Низами. По средневековой литературной традиции роман начинается славословием бога и его пророков. Затем в романе Низами идет славословие в честь Шаха Музаффараддина Кызыл-Арслана. Кутб заменяет эти главы славословием в честь шахзада Тенибека, сына Узбека, правившего после отца в Ак-Орде (она находилась в вассальной зависимости от Кок-Орды), и посвящает свой труд ему (вскоре убитому его братом Джанибеком, правившим в столице Золотой Орды Сарайе) и его жене. Следует отметить, что в заглавии этого последнего раздела она названа "покойной" (*мархума*). Безусловно, это заглавие вставлено впоследствии переписчиком Берке. Быть может, жена Тенибека была убита одновременно с мужем подосланными из Сарайя убийцами. Как видно из содержания раздела, посвящение написано при жизни Тенибека и его жены.

Представляет интерес вопрос, почему труд посвящен Тенибеку, а не правившему одновременно с ним в Сарайе, в столице Золотой Орды, его брату Джанибеку. Этот факт, очевидно, свидетельствует о том, что книга написана не в Сарайе и, по-видимому, даже за пределами Кок-Орды, где-то, быть может, вне территории Ак-Орды. С другой стороны, Тенибек назван в посвящении "*шахзада*" — царевич Тенибек хан. Почему, если он в это время правил в Белой Орде и был почти самостоятельным ханом этой части Золотой Орды, он назван царевичем? Быть может, книга преподнесена была до его восшествия на престол, когда он еще был царевичем, при жизни отца — Узбека? Если так, то она могла бы быть написана и в Кок-Орде. Однако она завершена в 1341 г., а Узбек умер за год до этого, в 1340 г. В этом же году в Сарайе начал править его сын Джанибек, а его брат Тенибек уже правил. Царевичем он назван, по нашему мнению, просто для того, чтобы подчеркнуть его феодальную зависимость от Кок-Орды, или, быть может, это следует рассматривать как второй компонент составного собственного имени, который указывает лишь на его ханское происхождение.

Египет был связан непосредственно с Сарайем, а Тенибек никогда не правил в столице всего государства. Тем более вызывает удивление следующий бейт поэта:

Йўрисўн Миср-у Шамда йарлыеңыз
Пусть ваши приказы действуют в Египте и Сирии.

Этот бейт, это пожелание поэта наводит на мысль о том, что, по-видимому, в этот период между двумя царевичами шла упорная борьба за ханский престол в Сарайе, что привело к трагической гибели Тенибека и его жены. Поэт, по всей вероятности, поддерживал партию Тенибека — акордынцев. Поэт, когда завершил свой перевод, был уже пожилым человеком, ибо в конце славословия он говорит о том, что благодаря покровительству Тенибека Кутб проводил бы время как юноша и жил бы при хане.

Тенибек правил в Белой Орде немногим более двух лет. Из славословия, посвященного царице, мы узнаем, что поэт специально приехал к Тенибеку. Быть может, тогда же, вскоре после преподнесения книги, поэт погиб вместе с ханом.

Расхождения с персидским оригиналом имеются и в разделе, где излагаются причины, побудившие поэта взяться за перо.

Далее поэт пишет о трудном пути, проделанном им ко двору хана:

Мурадым эрди ким бу қапуғда
Келип йол тапсамăн теп бу тапуғда
Сăфăр рăнҳин көрўп қăч ăйăм,
Тăпуғқа йеттим эмди ош сăрăнҳам
Моей мечтой было к тому двору
Добраться и найти дорогу к услужению в нем
Испытывая [в продолжение] стольких дней трудности пути,
Наконец-то добрался я до места службы.

Ясно, что если ставка Тенибека была где-то в низовьях р.Сырдарья, то поэт не местный житель, а специально приехал к ханскому двору издалека, не побоявшись трудностей пути.

Вторая половина этого раздела — прославление любви, перекликающееся со стихами Низами.

А.Зайончковский, как мы упоминали выше, раздел за разделом сличил перевод Кутба с персидским оригиналом Низами и пришел к выводу, что это полноценный, но вольный перевод, что содержание тюркоязычной рукописи полностью совпадает с содержанием поэтического романа Низами.

Следует, однако, отметить, что более детальное сличение тюркоязычного "Хосрау и Ширин" Кутба с персоязычным Низами не по заглавиям разделов, а по содержанию всего

романа ясно показывает, что его канва, сюжет и его развитие остаются такими же, как в персидском оригинале, но в процессе перевода было внесено столько изменений, что роман на новой почве фактически превратился в "назира", т.е. в ответ на роман Низами. Таким образом, это почти самостоятельный роман. В некоторых местах Кутб вводит в роман описания роскошной светской жизни золотоордынского двора, затрагивает бытовые и нравственные стороны жизни государства в целом. Таким образом, поэт дает не простой перевод романа Низами, а творчески его перерабатывает, отражает в нем жизнь своей страны. Оставляя без изменения композицию и сюжет романа Низами, поэт смело пользуется в передаче образов романа изобразительно-выразительными средствами, понятными в местных условиях. Роман Низами содержит 7000 бейтов и написан по типу месневи размером хазадж. Кутб же, сохраняя форму стиха и размер шестистопного укороченного хазаджа, парадигма которого ⏑---/⏑--/, сократил его до 4700 бейтов.

Дошедший до нас список относится к 785 г.х. (1383 г.). К роману приложено послесловие переписчика Берке Факиха, кыпчака, жившего тогда в Египте; здесь же указана дата переписки.

Что же представляет собой данный памятник в языковом плане? Каково отношение его языка к языку некоторых других памятников, таких, как "Мухаббат-наме" Хорезми, среднеазиатский "Тефсир", "Нахдж ал-фарадис" и т.д., которые были созданы в основном в том же XIV в., на той же территории? Для выяснения этого мы детально изучили тюркскую часть лексики памятника.

Всего в романе оказалось 2500 слов тюркского происхождения, в это число включены варианты, связанные с неустойчивостью орфографии и диалектным разнобоем.

Сравнительное изучение языка ряда памятников, созданных в XIV в., показывает, что язык "Хосрау и Ширин" Кутба как по фонетике, так и в отношении морфологии и лексики значительно отличается от языка таких памятников XIV в., как "Мухаббат-наме" Хорезми или "Гулистан" Сейфа Сарайи. В то же время язык Кутба во многих отношениях близок к языку среднеазиатского памятника того же XIV в. "Кысас" Рабгузи, памятника неизвестного происхождения "Нахдж ал-фарадис" и др. К этой же группе памятников относится также памятник неизвестного происхождения "Сирадж ал-кулуб" и среднеазиатский "Тефсир". Все они имеют общую языковую основу.

Тюркская часть лексики языка Кутба значительно отличается от лексики "Гулистана" и "Мухаббат-наме" прежде всего количеством архаических элементов, наличием значительного количества таких слов, которые не зафиксированы даже в "Диване" Махмуда Кашгари. Это одна из наиболее характерных особенностей лексики Кутба. Далее, здесь содержится значительно больше уйгурских элементов. Многие производные слова образуются от общетюркских основ при помощи исконно уйгурских аффиксов, что еще увеличивает количество уйгуризмов.

Мы не делим анализируемую лексику на семантические разряды, ибо объем ее ограничен содержанием и характером данного памятника. Данный поэтический роман написан арабско-персидским размером аруз, основанным на чередовании долгих и кратких слогов в стихотворных строках. Поэтому поэту часто приходится (если этого требует размер) прибегать к использованию синонимов самого разного происхождения, которые обогащают язык поэта разнодиалектной и разноязычной лексикой. Конечно, в этом отношении немаловажную роль играет обстановка, в которой жил и творил поэт, а также существующая литературная среда, литературная традиция и диалектальная принадлежность самого поэта.

Подсчет и последующий анализ диалектной части лексики Кутба показывает, что в основе языка поэта лежит не кыпчакский, а огузский диалект; огузских элементов в романе гораздо больше, чем кыпчакских. Их больше не только в сравнении с языком Сейфа Сарайи или Хорезми, но значительно больше, чем в произведениях среднеазиатских тюркоязычных поэтов, предшественников Навои, а также самого Навои. Почти такое же место занимают в языке памятника уйгурские элементы. Однако уйгуризмы в языке Кутба являются результатом влияния уйгурской литературной традиции караханидского периода. Они не характерны для местных диалектов, а являются принадлежностью литературного языка. Кыпчакские элементы в языке поэмы вполне естественны, поскольку они — принадлежность языка определенной части местного населения. Таким образом, исходя из состава лексического фонда языка Кутба его можно было бы назвать в отличие от языка Сейфа Сарайи и Хорезми огузско-кыпчакским, испытавшим очень сильное влияние уйгурской литературной традиции.

Для того чтобы составить представление о диалектном разнообразии лексического материала нашего памятника, мы выделили группу непроизводных имен и глаголов, начинающихся с гласного звука (650 слов), и получили данные, приводимые нами ниже. Конечно, такой метод подсчета дает лишь частичный результат. Следовало бы привлечь к анализу большее количество материала, даже всю лексику. Кроме того, безусловно отнести то или иное слово к тому или другому диалекту очень трудно; общетюркские слова или слова, принадлежащие нескольким диалектам, в дальнейшем могли сохраниться не во всех этих диалектах, и наоборот, слова, употреблявшиеся лишь в каком-либо одном диалекте, могли в дальнейшем проникнуть и в другие. Так, например, в современном туркменском языке немаловажное место занимают кыпчакские, а в азербайджанском кроме кыпчакских еще уйгурские элементы. Следует отметить, что не всегда помогают и исторические данные для определения диалектной принадлежности того или иного слова. Поэтому полученные нами данные в некоторой степени являются условными.

Таблица

Диалектная принадлежность лексики
"Хосрау и Ширин" Кутба, %

Диалекты	Имена	Глаголы	Всего
Огузские	8	4	12
Юго-восточные	16	5	21
Кыпчакские	6	2	8
Огузско-восточные	2	1	3
Огузско-кыпчакские	2	1	3
Восточно-кыпчакские	7	7	14
Общетюркские	28	11	39
	69	31	100

Эти данные очень показательны. Естественно, в языке Кутба общетюркские элементы составляют почти две пятых проанализированного количества слов, причем простых имен в два с половиной раза больше, чем непроизводных глаголов. За общетюркскими следуют слова юго-восточной группы, которые составляют немногим больше одной пятой части тюркской части лексики памятника. Отношение имен к глаголу — три к одному. Необходимо учесть еще то, что восточные элементы в языке Кутба в основном не являются принадлежностью языка каких-нибудь местных племен, а являются результатом влияния литературной традиции. Среди восточных элементов солидное место занимают архаизмы. Все это убедительно показывает, как сильно было влияние литературной традиции караханидского периода на лексику литераторов XIV в. Кроме того, не следует забывать, что определенное количество восточных слов является общим с огузскими и кыпчакскими языками. При присоединении их получаем для восточной группы 21% + 3% + 14% = 38%. При 8% кыпчакских слов огузские составляют 12%, т.е. в полтора раза больше, чем кыпчакские. При присоединении слов, общих для огузского, получаем 12% + 3% + 3% = 18%, а для кыпчакского — 8% + 3% + 14% = 25%. При таком подсчете картина резко меняется, и, наоборот, кыпчакских слов оказывается в полтора раза больше. Вот такое процентное соотношение и дает нам право называть язык Кутба в лексическом отношении весьма смешанным, а учитывая основные данные, считать его огузско-кыпчакским, испытавшим сильное влияние восточной литературной традиции, традиции книжного языка, привнесенной на территорию Золотой Орды из Средней Азии.

Язык Кутба богат синонимами. Синонимы разноязычные и разнодиалектные. Последние представляют особый интерес. Следует отметить синонимичное употребление архаических слов. Так, например:

аҙын–аҙын и *өҫин–өҫин* 'другой', 'кроме';
өкүш и *ингән, талим–телим* 'много';
иди и *иҙи* 'бог', 'господин', 'хозяин';
аймақ и *айдмақ* 'говорить';
битикли и монг. *бичикли* 'написанный';
таҳы и *таҳын, даҳы* 'еще';
тәнуҳ и *тәҳив* 'свидетель';
тапу и *тапув* 'поклонение', 'служба';
текрү и *теки* 'до';
зәндүач и *сәндүач* 'соловей';
сарвармақ и *сӓрармақ* 'желтеть';
қәлаш и *кәйаш* 'родня', 'родственник';
қәта и *қурла* 'раз';
кузув и *қуйув* 'колодец';
кәҙ, ӓҙгү и *йиҳ* 'хороший';
йару, йары, йансы (йан + сы) и *йӧн* 'сторона';
йӓшрү и *йӓшнү* 'тайно', 'скрытно';
йора и *йорав* 'толкование';
йигли и *сӧгӓл* 'болезнь', 'больной' и т.д.

Часто параллельно с архаическими элементами выступают в качестве синонима и неархаические слова:

аҙақ и *айақ* (I) 'нога', 'ноги';
аҙак и *айақ* (II) 'чаша';
аҙ и *ат* 'имя';
аҙырмақ и *айырмақ* 'отделять', 'разлучать';
аҙын и *башқа* 'другой', 'кроме';
ашну и *бурун* 'раньше';
узымак и *уйумақ* 'спать', 'засыпать';
өкүш и *көп* 'много';
ӓзӓрлӓмӓк 'оседлать' и *ийӓр, ийӓар* 'седло';
ичрӓ и *ичиндӓ* 'внутри';
аймақ и *айтмақ* 'говорить';
инҗү и *йинҗу, йинҗи* 'жемчуг';
боҙ и *бой* 'стан', 'фигура';
бӓлгүтмак, бӓлгүртмак, бӓлгүрмӓк, бӓлүрмӓк 'выявлять';
тӓба и *тӓбару* 'в сторону';
ташра и *ташқару* 'вне';
толун, толув и *толу* 'полный';
тыҙмақ и *тыймақ* 'запрещать';
текрү и *тек* 'до';
тейү и *теп* 'говоря', 'думая';
мӓниз и *чирай* 'лицо', 'физиономия';
қолмақ, сорамақ и *сормақ* 'просить';
қанда, қайда, қӓйда 'куда', 'где';
қӓҙғу и *қӓйғу* 'горе', 'печаль';
қымырса и *қӓрынча* 'муравей';
қозмақ и *қоймақ* 'класть', 'положить';
қӓршу и *утру* 'против', 'напротив';
қурла и *қат* 'раз';
кӓҙ и *йӓхши* 'хороший';
кизмӓк 'одевать' и *кӓйдүрмӓк* 'надевать';
күйүрмак и *күйдүрмӓк* 'сжигать';
кирмӓк 'входить' и *кӓйгүрмӓк* 'вводить';

йару и *йӧн* 'сторона';
йапуреақ и *йапраҡ* 'лист';
йалеуз и *йалеузун* 'одиноко';
йашнӱ и *йашрӱн* 'тайно', 'скрытно' и т.д.

Если в перечне архаизмов в качестве синонимов выступают разнодиалектные слова, то во втором списке, когда приводятся архаические и неархаические синонимы, один из них обычно является словом, относящимся к юго-восточной группе тюркских языков, а иногда оба являются юго-восточными.

В качестве синонимов используются и разнодиалектные слова, которые употребляются и в наши дни в огузской, кыпчакской и восточной группах языков. Таковы, например:

ачы и *ачыг* 'горький';
ары и *арыг* 'чистый';
аваач и *йаваач* 'дерево';
ӓркли и *ӓрклиг* 'вольный';
атлы и *атлыг* 'конный', 'верховой';
алар, анлар и *олар* 'они';
андан и *андын* 'от него', 'оттуда', 'затем';
узаҡ, алыс и *ыраҡ* 'далеко';
ӱзрӓ и *ӱст* 'на', 'над', 'верх';
улу и *улуг* 'большой', 'великий';
отурмаҡ и *олтурмаҡ* 'сидеть', 'жить';
ойанмаҡ и *ойаанмаҡ* 'просыпаться';
уйумаҡ и *уйуҳламаҡ* 'засыпать', 'спать';
исси и *иссиг* 'жарко';
издӓмӓк и *излӓмӓк* 'искать';
иеламаҡ и *йиеламаҡ* 'плакать';
ел и *елиг* 'рука', 'руки';
ел и *улус* 'народ';
баелы, баелыг и *баелык* 'связанный';
булмаҡ и *тапмаҡ* 'находить';
булунмаҡ и *табулмаҡ* 'находиться', 'обнаружиться';
татмаҡ 'пробовать на вкус' и *татыг* 'вкус';
татлы и *татлыг* 'вкусный';
тӱрлӱ и *тӱрлӱг* 'разный';
толу и *толуг* 'полный';
тилли и *тиллиг* 'имеющий язык';
чыра и *чырав* 'лучинка','светильник';
сары и *сарыг* 'желтый';
сычан и *сычҳан* 'мышь';
сорамаҡ и *сормаҡ* 'просить';
ҳаты и *ҳатыг* 'твердый', 'жесткий';
бӧрӱ, бӧри и *ҳурт* 'волк';
ҳуртҳарву 'избавление';
ҳутҳармаҡ и *ҳутармаҡ* 'избавлять', 'спасать';
ҳучаҳламаҡ и *ҳучамаҡ* 'обнимать';
ҳонаҡ и *ҳонуҡ* 'гость';
ҳонаҳламаҡ и *ҳонуҳламаҡ* 'гостить';
ҳой и *ҳойун* 'овца';
ҳуру, ҳури и *ҳуруг* 'сухой';
көпрӱ и *көпрӱк* 'мост';

көркӱ, көркли и *көркӱг* 'красивый';
кӓлтӱрмӓк и *келтӱрмӓк* 'приносить';
көргӓзмӓк, көргӱзмӓк и *көстӓрмӓк* 'показывать';
көлӓнкӓ и *көлигӓ* 'тень';
кичи и *кичиг* 'маленький';
муңлы и *муңлуг* 'печальный';
йарлы и *йарлыг* 'бедный';
йашлы и *йашлыг* 'пожилой';
йазмаҡ и *йаңылмаҡ* 'ошибаться';
йӱклӱ и *йӱклӱг* 'нагруженный';
йуванмаҡ и *йупанмаҡ* 'утешаться' и т.д.

И в данном случае один из синонимов неизменно юго-восточный, а другой общетюркский, огузский или кыпчакский.

В памятнике представлены и парные слова. Синонимичные парные слова обычно разноязычны. Когда оба компонента — тюркские слова, они могут быть и антонимами. Может иметь место простой повтор. Компоненты могут выступать в основной форме и в сочетании с аффиксами, частицами, союзами. Они образуются от различных форм глагола как личных, так и неличных и т.д. Приведем несколько примеров:

арты-арҡасы 'опора';
аш-су 'еда', 'пища';
алтун-кӱмӱш 'золото-серебро', 'деньги';
уруш-уруш 'беспрерывно воюя';
улус-ел 'народ';
айаҡ-чанаҡ 'посуда';
ичи-ташы 'со всех сторон';
еркӓк-ташы 'совокупность людей', 'мужчины и женщины';
барым-йоҳум 'все мое богатство';
бир-ӱ бар 'один и сущ *[бог]*';
таш-таш 'каменистое место';
тӱн-хӱн 'день и ночь', 'круглый день';
тӱнмӓ-кӱндӱз 'днем и ночью';
көз-ҳулаҡ 'присмотр', 'надзор';
мал-у таўар 'богатство';
кӱлӓ-ойнайу 'веселясь';
йемӓк-ичмӓк 'еда', 'пища';
ертӓ-кечӓ 'утром и вечером';
артуҳ-өксӱк 'неопределенное количество чего-либо';
азын-азын 'понемногу';
аҳрун-аҳрун 'потихоньку' и т.д.

Как мы отметили выше, язык памятника богат архаическими элементами. Значительный интерес в этом отношении представляют и некоторые фонетические и морфологические показатели. Таковы, например, слова с *ӱ(w)*-признаком, показателями *-ели, -еу,* деепричастные формы на *-у* и т.д.

Значительно количество слов, которые, не являясь архаизмами, имеют какие-либо архаические признаки. Таковы, например, слова с *ҙ*-показателем: *аҙ* 'имя' лишь по фонетическому признаку *ҙ* является архаическим, *аҙӓрлӓмаҡ* 'оседлать' по *ҙ*-признаку противостоит современным *ийӓрлӓмӓк//эгӓрлӓмӓк* и т.д.

Аналогичным образом такие слова, как *құтқарву, құтулву* и т.п., являются архаическими не только по способу своего образования, но и по выполняемой функции в определительных сочетаниях.

Немало в памятнике и таких архаических элементов, которые в наши дни в современных тюркских языках совершенно не встречаются; таковы, например, *абсам* 'спокойно', 'молчаливо', *ардам* 'мастерство', 'знание', 'образование', 'искусство', *арсықмақ* 'соблазняться', 'дать себя обмануть', *арқун* 'тихо', 'медленно', 'спокойно', *аҳун* 'мир', *асры* 'много' и т.д. Имеется некоторое количество слов, которые по своему первоначальному значению являются архаическими, но со временем претерпели значительные семантические изменения и в наши дни приобрели новое значение. Некоторые же архаические элементы встречаются лишь в составе фразеологизмов, устойчивых сочетаний. Архаические элементы встречаются и в составе парных слов, где второй компонент просто дублирует первый для усиления значения или как бы является переводом первого.

По своему происхождению эти архаизмы восходят к разным группам тюркских языков: к восточной, огузской, кыпчакской.

Такова краткая характеристика тюркской части лексики этого весьма ценного памятника XIV в. огузско-кыпчакского письменного литературного языка *ȝ*-группы тюркских языков. Более подробный анализ лексики памятника дан нами в первом томе нашего трехтомного "Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века. На материале „Хосрау и Ширин" Кутба" *[28]*.

ПРОЗАИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ XIV В. "НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС": ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА

Одним из ценных памятников золотоордынско-хорезмского языка является "Нахдж ал-фарадис" — произведение богословско-дидактического содержания. Это прозаическое произведение состоит из четырех глав, каждая из которых включает десять разделов. Каждый раздел в соответствии с содержанием начинается хадисом — изречением Мухаммада.

Первая глава посвящена жизнеописанию пророка и его сподвижников. Вторая — жизнеописанию первых четырех халифов, членов семьи пророка и первых имамов, глав мусульманского богословия. Третья — изложению основных законоположений ислама о богоугодных делах, а также о подобающем поведении правоверных. Четвертая глава носит назидательно-дидактический характер. В последних двух главах много бытовых примеров, представляющих интерес с точки зрения этнографии, этики, морали и истории культуры.

Неоценимо значение этого сочинения для истории языка. Из памятников XIV в. "Гулистан" Сейфа Сарайи — полупрозаическое, полупоэтическое переводное произведение, созданное к тому же на территории мамлюкского Египта. "Мухаббат-наме" Хорезми — чисто поэтическое произведение, написанное арабско-персидской метрикой аруз. "Хосрау и Ширин" Кутба также поэтическое переводное произведение, написанное размером аруз. Как известно, роль поэтического, тем более переводного произведения в истории общенародного языка уже ограничена спецификой жанра. Объемное прозаическое произведение "Нахдж ал-фарадис" имеет громадное значение для изучения истории тюркских языков, а также для выяснения состояния тюркского языка в XIV в. в регионе создания этого памятника. Помимо этого памятник содержит массу сведений о духовной и материальной жизни народа того периода и богат лексическим материалом. Отсюда и необходимость точно установить, где, кем, когда создан этот памятник и к какому периоду относится наиболее старая из известных копий этого произведения.

О списке этого литературного памятника впервые сообщил в 1885 г. татарский ученый Ш.Марджани *[77]*. Однако этот список, содержавший сведения об авторе и времени создания произведения, был утерян. В тот период он считался единственным. По всей вероятности, именно поэтому "Нахдж ал-фарадис" стали смешивать с другими сочинениями, носящими сходное название или имеющими аналогичное

содержание. Так, турецкий литературовед А.Карахан соотносит это произведение с известным мусульманскому миру сочинением "Сорок изречений Мухаммада" (татарское издание "Кырк хадис"). Его, по-видимому, ввел в заблуждение тот факт, что в начале каждого из сорока разделов "Нахдж ал-фарадис" автор приводит изречение Мухаммада, соответствующее содержанию раздела.

В вводной части известного "Мирадж-наме", небольшого сочинения о вознесении пророка Мухаммада на небеса, переведенного в XIII в. на тюркский язык, сообщается, что данное сочинение якобы является переводом "Нахдж ал-фарадис". Это замечание ввело в заблуждение французского ученого Паве де Куртейля, отождествившего "Нахдж ал-фарадис" с упомянутым "Мирадж-наме", а также С.Е.Малова. По мнению последнего, "Мирадж-наме" является переводом сочинения "Картины рая". Далее — вопрос: "Не этого ли „Мирадж-наме" автором является Али-оглы Махмуд Булгарский (XIV в.), упоминаемый Марджани в его „Истории Казани и Булгар"..?" [21, с.96—97].

Эта ошибка находит распространение и в дальнейшем. А.Самойлович в кратком предисловии к труду Я.Кемаля пишет: "Представляет также большой интерес сделанное мне проф. С.Е.Маловым указание на то, что сочинение "Nehcu-l-feradis" упоминается в предисловии к чагатайской обработке "Mirac-name", изданной французским тюркологом Паве де Куртейлем" [15, с.3]. Таким образом, произошло смешение двух сочинений разного содержания и объема, к тому же созданных в разное время.

В течение долгого времени о сообщении Ш.Марджани не вспоминали. Лишь в предреволюционные годы татарские ученые Г.Газиз и Рашим включили в учебник по истории татарской литературы отдельные фрагменты из найденных на территории Татарии списков "Нахдж ал-фарадис" и снова ввели этот памятник в научный обиход.

В 1928 г. А.З.Валиди обнаружил в библиотеке при стамбульской мечети Yeni Cami (Ени Джами) наиболее старый список этого сочинения, зарегистрированный в библиотеке под № 879 ("Фазаил ал-муджизат"). О стамбульском списке он впервые сообщил в статье "Тюркоязычные произведения, написанные в Хорезме" [71а].

В 1928 г. директор Ялтинского краеведческого музея Я.Кемаль обнаружил другой, неполный список этого произведения в Крыму[1]. Фрагменты списка были опубликованы им

[1] Исследователь ялтинского списка крупный ученый Я.Кемаль безвременно умер в 1948 г. в Кашкадарьинской области Узбекистана. Он получил востоковедное образование в Бейруте и в Лазаревском институте восточных языков в Москве. Некоторое время был директором "Зинджирны медресе" в Бахчисарае, а потом директором краеведческого музея в Ялте. Неоднократно возглавлял научные экспедиции и собрал значительное количество рукописей XIII—XIV вв., над изучением которых успешно работал и подготовил их к опубликованию.

наборным способом в 1930 г. с кратким предисловием А.Самойловича и историко-филологическим введением. К книге были приложены фотокопии нескольких страниц из этого списка [15]. Как видно из опубликованных фрагментов, ялтинский список был не менее ценным, чем стамбульский. К сожалению, и этот список в настоящее время утерян для науки безвозвратно.

В 1949 г. Б.А.Яфаров в Казани защитил кандидатскую диссертацию по материалам двух казанских списков [43].

В 1956 г. Я.Эккман опубликовал в Анкаре факсимиле списка из Ени Джами с кратким предисловием [54]. Предисловие к изданию свидетельствует, что ученый предполагал тогда опубликовать в последующих томах транскрипцию, перевод и исследование языка памятника. Однако, по-видимому, этот план остался нереализованным.

В 1950 г. С.С.Чагатай опубликовала в "Образцах тюркских диалектов" фрагменты ялтинского списка (в транскрипции); во второе издание "Образцов" ею же введены фрагменты из ялтинского списка, сверенные с текстом стамбульского списка [53].

Небольшие отрывки из этого сочинения в дальнейшем были опубликованы Я.Эккманом в "Фундаменте", а также А.Джафероглу во втором томе "Истории турецкого языка" [52].

В одном из номеров "Turkiyat mecmuasi" турецкий филолог Кавам ад-Дин опубликовал большой список уйгурских и кыпчакских слов из стамбульского списка "Нахдж ал-фарадис" (с.169—250). Однако как чтение и транскрипция, так и многие переводы требуют серьезных поправок.

В 1963 г. Я.Эккман сообщил, что в Национальной библиотеке во Франции (Париж) обнаружен неизвестный до сих пор список этого памятника [54а].

В 1968—1971 гг. А.Ф.Караманлыоглу публикует в XVI—XIX томах Трудов языка и литературы литературного факультета Стамбульского университета статьи о характерных особенностях языка списка из библиотеки при мечети Ени Джами, приводя фрагменты из этого списка в транскрипции на латинской основе [62].

В 1963 г. фрагменты из казанских списков публикуются с вводной статьей в "Древнетатарской литературе" [13, с.218—248].

Такова краткая история обнаружения, публикации и изучения этого произведения. Памятник в целом, как видно из сказанного выше, все еще достаточно не изучен, не проведена необходимая текстологическая работа по имеющимся спискам. Автором этой статьи изучена лексика стамбульского списка, составлена большая картотека в историко-сравнительном плане, лексические материалы памятника включены в его "Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века".

Попробуем установить по материалам различных списков имя автора, место и время написания и снятия копий памятника.

Из списка Ш.Марджани сохранились лишь краткие фрагменты, которые он успел опубликовать. Среди них имеется очень ценное сообщение о времени создания памятника и его авторе. В сопоставлении с аналогичными текстами из других списков это сообщение поможет установить имя и псевдоним автора, а также дату создания и снятия последней копии памятника. Это сообщение в списке Ш.Марджани следующее: "...*икинчи күнində йəлеа йети йүз əллик тоҳызда Сарай шəҳриндə эрди ... кялеучи ал-'Алим ар-Раббани ва-л-'Амил ас-Самадани ал-Устад ал-Мутлак Маҳмуд бин 'Али ас-Сарайи маншаан ва-л-Булгари муваллядан ва-л-Қурдари*" 'Второго дня... семьсот пятьдесят девятого года в городе Сарай было... делающий (второй компонент имени действующего лица, относящегося к автору. — *Э.Н.*), предавшийся сердцем богу, живущий по поведению бога, совершенный учитель... Махмуд бин Али ас-Сарайи, по происхождению из Булгара, по рождению из Курдари'.

Ш.Марджани писал, что отдельные места этого текста (отмеченные нами отточием) не поддаются чтению. Стертыми в рукописи оказались очень важные места. Кроме того, как видно, в тексте имеются ошибки и пропуски переписчика.

Ш.Марджани ничего не сообщает о том, когда была снята копия, которой он пользовался. Указанная дата 759 г.х. соответствует 1357—1358 гг. н.э. Дефекты списка Ш.Марджани оказались легко устранимыми при обращении к одному из ленинградских списков.

По сведениям Я.Кемаля, ялтинский список был неполным. Данное произведение в целом состоит из четырех глав, из которых ялтинский список содержал только первые две главы. Следовательно, он составляет только первую часть труда. На первой странице вклеенного листа этого списка имеется текст на арабском языке. Перевод текста гласит: "Это книга „Нахдж ал-фарадис", написанная в месяце раби ал-ахир 792 г. Собственник и владелец ее Мухаммад-шах, сын Бахадыра. В настоящее время 1176 год, месяц шаабана 23 дня под вечер". На основании этой записи можно установить, что рукопись уже в XVIII в. находилась в Крыму.

По сообщению Я.Кемаля, в недавнем прошлом эта рукопись принадлежала Али Мурзе Эмирову. После смерти владельца она продана была в Бахчисарае, попала в руки букинистов, а затем — в Ялтинский музей.

Я.Кемаль сообщает, что сорт бумаги вклеенного листа, также примененной и для подклейки разорванных листов, относится по типу к бумаге конца XVII в., что переплет рукописи из черного сафьяна сделан в конце XVII — начале XVIII в. Первая страница рукописи утеряна. Вторая и третья страницы сильно потрепаны и вырваны из переплета. Все остальные страницы полностью сохранились. Бумага рукописи без водяных знаков, плотная и чистой выделки, от времени значительно пожелтела. Рукопись написана великолепным почерком "насх" с некоторым уклоном к почерку "сулус". В конце рукописи приводится дата снятия копии и

имя переписчика: *Тəм əл-ҳүз'-үл-əвəл вə йəтлү əл-баби əс-сəлисү ва катабаху Қасым бин Мүҳəммəд фи-раби' əл-ахир, сəнə 792* 'Закончилась первая часть и следует за ней третья глава и написал ее Касым сын Мухаммада в месяце раби ал-ахир в году 792' (соответствует 1389—1390 гг. н.э.). Следовательно, если принять год, указанный в списке Ш.Марджани, за дату создания сочинения, то окажется, что ялтинская копия была снята через 32 года после составления оригинала.

По опубликованным Я.Кемалем фотографиям видно, что ялтинский список был написан очень красивым почерком "насх" с элементами почерка "сулус". По сообщению Я.Кемаля, ялтинская рукопись состояла из 549 страниц, размером 29×19 см, наружное поле страницы $2\frac{1}{2}$ см, а внутреннее — $1\frac{1}{2}$ см. Каждая страница содержала 13 строк, высота букв — 9—10 мм.

Заглавия обеих частей рукописи написаны крупными золотыми буквами, украшенными цветочным орнаментом по синему фону. Названия разделов написаны также золотом, но несколько меньшими по размеру буквами, а начинающее каждую главу изречение Мухаммада (хадис), как и встречающиеся среди текста стихи из Корана, написаны красной тушью, буквами более крупными, чем весь остальной текст рукописи. Тремя красными точками отделяются законченные темы; одной — если сохраняется логическая связь последующего с предыдущим. В конце повествования, где описывается смерть и погребение халифа Омара, красной тушью изображено взаимное расположение могил Мухаммада и первых халифов Абу-Бакра и Омара.

Происхождение рукописи и бумаги, на которой она написана, не установлено и едва ли теперь станет известно. Рукопись в настоящее время утеряна безвозвратно.

Основываясь на том факте, что Солхат (Старый Крым) в свое время был одним из мощных очагов культуры и экономики Золотой Орды, что здесь найдено значительное количество ценных рукописей XIII—XIV вв., Я.Кемаль предположил, что эта рукопись была переписана в Солхате местным переписчиком. По его мнению, это предположение подтверждается еще и тем, что в Средней Азии был распространен почерк "насталик", в Крыму основным почерком арабского письма был "насх", а в Поволжье каллиграфии вообще особого внимания не уделялось, местные переписчики же писали более грубым, неразборчивым почерком.

Ялтинский список, как видно из опубликованных Я.Кемалем фотографий нескольких страниц, приближается во многом к стамбульскому, но резко отличается от него системой употребления диакритических знаков: там, где в стамбульском "фатха", в ялтинском — "касра", а это, естественно, резко меняет произношение слов и осложняет вопросы транскрипции.

А.З.Валиди, принимая во внимание, что бумага рукописи по качеству хорезмского происхождения, и анализируя орфографию стамбульского списка, систему диакритических знаков, пришел к выводу, что стамбульский список этого про-

изведения переписан в Хорезме. Однако до сих пор ни в Хорезме, ни в других районах Средней Азии не было обнаружено других списков этой рукописи. Происхождение бумаги едва ли может служить весомым доказательством в пользу хорезмского происхождения рукописи. Ибо в тот период, когда Хорезм входил в состав Золотой Орды, и при той интенсивной торговле, которая здесь велась Золотой Ордой с различными странами, не только в административном центре государства, но и в других его городах могли писать на привозной, в том числе и на хорезмской, бумаге, тем более ведь неизвестно, производилась ли бумага в самом Сарайе. При решении вопроса о происхождении стамбульского списка нельзя не считаться и с тем, что это произведение было распространено именно в Поволжье и в Крыму, а в Средней Азии, и в частности в Хорезме, до сих пор не обнаружено ни одной его копии.

Стамбульский список очень хорошо сохранился и состоит из 222 листов, т.е. 444 страниц. Формат листа рукописи 34×24 см. Каждая страница содержит по 17 строк. Как явствует из предисловия к опубликованному факсимиле, бумага рукописи темно-кремового цвета. Основной текст написан черными чернилами, а названия глав и разделов, а также некоторые собственные имена, отдельные выражения написаны красными чернилами. Почерк — разборчивый "насх". Харакаты везде, даже над словами, написанными красными чернилами, проставлены черными чернилами. Это свидетельствует о том, что они поставлены уже после полного завершения переписки всего текста, возможно, через некоторое время после завершения. А.З.Валиди в связи с этим отмечал, что хотя автор пользовался установившейся тогда орфографией кашгарского тюрки, однако харакаты он ставил в соответствии с произношением слов в Хорезме. Это второй довод А.З.Валиди в пользу того, что эта рукопись переписана в Хорезме. Однако различия в цвете чернил, которыми написан сам текст и которыми проставлены харакаты, наталкивают на мысль, что сама рукопись могла быть написана в одном месте, а харакаты могли быть проставлены впоследствии в Хорезме (или же каким-либо хорезмийцем) в соответствии с его произношением. Не надо забывать также, что в этом случае речь идет только о данном списке, а не об оригинале.

Очень ценный стамбульский список также не содержит указаний ни на место составления и переписки текста, ни на имя автора, но содержит дату переписки и имя переписчика — он переписан в 761 г.х. Мухаммадом бин Мухаммад Хосрау ал-Хорезми. Указанная дата соответствует 1359 — 1360 гг. н.э. Следовательно, этот список появился на 30 лет раньше ялтинского.

Ценность стамбульского списка еще и в том, что в настоящее время это фактически единственный самый полный список, дошедший до наших дней в достаточной сохранности. Он содержит все четыре главы и состоит из сорока разделов. Недостатком этого списка является то, что в нем нет

сведений об имени автора и месте написания труда. Однако по нему можно уточнить даты снятия настоящей копии и смерти автора:

Бу китаб тамам болды тарих йети йуз алтмыш бирда шаҳр-ул-лаҳуль мубарак джумади ал-аввал айының алтынч күнинда эрди ким китабати қушлуқ вахтында тамам болды. Тақы, бу китабның мусаннифи мазкур йакшанба күн дар-ул-фана-дин дар-ул-бақаға рихлат айлади 'Эта книга завершена в семьсот шестьдесят первом году шестого дня благословенного месяца джумади ал-аввал до обеда. Составитель этой книги в упомянутое воскресенье отошел от тленного мира в мир вечности'.

Следовательно, стамбульский список — современник автора и переписан при его жизни. Переписка данной копии закончена в 761 г.х. шестого дня месяца джумади ал-аввал. 761 г.х. соответствует 1359 — 1360 гг. Джумади ал-аввал — пятый месяц мусульманского календаря. Первый день этого месяца в 761 г. соответствовал 20 марта (пятница), а шестой день, когда завершена была переписка, — среде 25 марта 1360 г. Автор труда умер в воскресенье, за три дня до окончания переписки, т.е. 22 марта 1360 г. Таким образом, стамбульский список дает нам возможность не только точно установить дату окончания переписки этой копии, но и точно установить день смерти автора произведения.

Позднейшая запись, находящаяся вниз первой страницы, свидетельствует, что эта рукопись хранилась в библиотеке сына Абу-Саида Чакмака (1437 — 1445) — Мухаммад-бая — в Египте. В Турцию она попала, видимо, после падения власти мамлюков и покорения страны османами. На с.3, 216 и 444 рукописи сохранилась вакуфная печать "Султан Ахмад-хан казы султан Махмед-хан". Факт нахождения рукописи в Египте также говорит в пользу ее поволжского происхождения, поскольку Поволжье в тот период было тесно связано с Египтом. Таковы внешние данные списка из Ени Джами.

В Каэани в библиотеке Института языка, литературы и истории Каэанского филиала АН СССР хранится рукопись памятника в объеме 536 с., относящаяся к XVII в. В библиотеке Казанского Государственного педагогического института имеется еще один список, относящийся ко второй половине XVIII в. Казанские списки более позднего происхождения и особой ценности не представляют.

В библиотеке Института востоковедения ЛО ИВ АН СССР хранятся две рукописи, привезенные сюда в 1934 г. из Казани и также относящиеся к более позднему времени. Ценность рукописи, хранящейся под шифром 316, в том, что на с.427б содержится текст, дающий возможность уточнить приведенный выше текст из рукописи Ш.Марджани. Этот очень важный текст следующий:

Сафар айының сәкизинчи күн йылқы йылы эрди, йети йуз әллик тоқузда Сарай шаҳрүндә эрди. Бу китабны хәм қылеучы ал-'Алим ар-Раббин ва-л-'Амил ас-Самадани ал-Устад ал-Мутлак ва-л-'Амил ал-Муваҳҳад Маҳмуд бин 'Али шәйх ас-Сарайи маншаан ва-л-Булгари муваллидан ва-л-Құрдари 'ақдән 'Это был восьмой день месяца Сафар в го-

ду Лошади. Было в семьсот пятьдесят девятом году в городе Сарай. Собиратель (автор) этой книги, предавшийся сердцем богу, живущий по повелению господа, совершенный учитель, признающий единого бога Махмуд бин Али, шейх (или из шейхов. — *Э.Н.*) Сарайа по происхождению, из Булгара по рождению и связанный с Курдаром'.

Данный текст существенно дополняет соответствующий текст из рукописи Ш.Марджани: в ней не было названия месяца, *сәкизинчи* 'восьмой' прочитано как *икинчи* 'второй'; неразборчив был первый компонент имени действующего лица — *хәм' ҳилеучи*; не было слова *шәйх*; вместо *йылҳы* 'лошадь' было прочитано *йылва* 'году' [в ленинградском списке *йылҳы* — название года по двенадцатилетнему животному циклу (седьмой год)']; отсутствовало очень важное слово *аҳдән*, указывающее на связь автора с Курдаром. Год завершения работы в обоих списках совпадает. Завершена работа в 759 г.х. восьмого дня месяца сафар. 759 г.х. и год Лошади соответствовали 1357—1358 гг. Сафар — второй месяц по лунному исчислению. В 759 г. первый день сафара соответствовал 13 января (суббота). Работа завершена восьмого сафара, т.е. 8 января 1358 г. Это по старому календарю, а по новому исчислению соответствует 21 января 1358 г. Из списка Ени Джами уже известно, что автор умер 22 марта 1360 г.

Курдар (Курдер, Кардар) — название города в Хорезме. Об этом сообщает и Якут Хамави. Я.Кемаль в упомянутом выше предварительном сообщении из этой записи сделал вывод о принадлежности автора "Нахдж ал-фарадис" к Курдеру. При этом он говорит, что Курдер в тот период был одним из центров ученых и теологов. Такого же мнения придерживались А.З.Валиди и М.Ф.Кёпрюлюзаде [71а; 64]. Однако последний предполагает, что автор, происходивший из Курдера в Хорезме, в дальнейшем жил и творил в Сарайе.

Однако слово عقداء *'аҳдән* ленинградского списка позволяет нам выдвинуть другую гипотезу. Дело в том, что среди племен, населявших Золотую Орду, было племя, носившее такое название и кочевавшее в Нижнем Поволжье; у казахов Малой Орды до последних десятилетий также существовал род Курдер. Не исключено, что в приведенном тексте указывалась племенная принадлежность автора сочинения. Так, путем сопоставительного изучения всех рукописей сочинения устанавливаем:

(1) Автором (книги) был Махмуд бин Али.

(2) Дата завершения книги — 8 сафар 759 г.х. (= 1357—1358 гг.), т.е. 8 (по новому стилю 22) января 1358 г.

(3) Ялтинский список переписан в 792 г.х. в месяце раби ал-ахыр, т.е. в 1389—1390 гг., Касымом бин Мухаммадом.

(4) Переписка стамбульского списка закончена 25 марта 1360 г. (т.е. на 30 лет раньше ялтинского) фактически при жизни автора.

(5) Автор сочинения умер 22 марта 1360 г.

По времени создания "Нахдж ал-фарадис" относится к периоду правления в Сарайе Бердибека, сына Джанибека. Тогда же в низовьях р.Сырдарья появились "Мухаббат-наме" Хорезми, а через несколько лет, при правлении брата Бердибека — Тенибека в Ак-Орде — "Хосрау и Ширин" Кутба.

"Нахдж ал-фарадис" является ценным источником по истории литературы тюркоязычных народов: некоторые его разделы в художественном отношении стоят для своего времени на довольно высоком уровне, а некоторые материалы последних глав могут быть использованы как образцы художественной прозы Золотой Орды середины XIV в.

В силу многообразия содержания "Нахдж ал-фарадис" представляет большой интерес для тюркской исторической лексикологии и для исторического словаря тюркских языков. Написанное довольно простым языком, это сочинение может быть использовано и при изучении исторической грамматики тюркских языков, а также вообще истории тюркских языков, прежде всего литературных.

Для характеристики языка сочинения весьма показательны некоторые фонетические явления, в первую очередь наличие *ҙ* (вместо *й* или *д*) в инлауте.

Примеры из ялтинского списка:

Мысырга иҙа бердим (33) 'я отправил в Египет'; *барыны илайында қозвил* (41) 'все положи перед ним'; *тәқи күҙәгүси эрди* (33) 'да еще был он зятем'; *масхаф үзәсиндә қан сачылмыш* (35) 'на коран разбрызгана кровь'; *тәқи ики аҙағыны алсун* (35) 'пусть еще отнимет его две ноги'; *бу құлны мән иҙмадим* (33) 'этого раба я не посылал'; *киканәт атлыг қәбиләни бҙүрди* (35) 'избрал он племя кинанат'.

Примеры из стамбульского списка:

әҙгүлүк сақынурмыз (354) 'желаем добра'; *құҙуеҳа бырақың* (353) 'бросайте в колодец'; *бизгә иҙабергил* (443) 'к нам посылай'; *мени энгән қазвуртур* 'меня очень огорчает'.

Даже в иноязычных словах вместо *й* может употребляться *ҙ*; в ялтинском списке: *фәрйаҙ қылды* (34) 'он кричал'; в стамбульском: *шаҙман болур, күләр* (53/15) 'радуется и смеется'; *әй бары хуҙайа* (443) 'о, единый и сущий'. Иногда здесь, как и в московском списке "Сирадж ал-кулуб" [25], под *ҙ* > *д* появляется точка: *устадларымыз* (443) 'наши учителя'. Вместе с тем в обоих списках встречаются слова с *д* в инлауте; в ялтинском списке: *аҳшам болмышда кедин* (41) 'когда наступил вечер'; в стамбульском: *анларва қадвурур тәқи йиғлар* (53/12) 'огорчается из-за них и плачет'.

Губно-губной звук *ў* графически передается в ялтинском списке с одной точкой (ڤ), а в стамбульском — вариантно: как с одной, так и с тремя точками (ڤ и ڤ).

Примеры из ялтинского списка: *шәҳадәт вәкты йуўурды* (33) 'наступило время смерти'; *әўўмгә бардым* (35) 'я пошел к себе домой'; *тәқи ол кәўәчни ачтурты* (41) 'да еще он приказал открыть тот котел'; *бу йаўуқ йердә тутур* (41) 'находиться на близком расстоянии'.

Примеры из стамбульского списка: *сәўнў барды* (97) 'пошел он с радостью'; *бир қач теўә* (97) 'некоторое количество верблюдов'; *әўингә кирди* (354) 'он вошел в свой дом';

аўдӓ йалвуз олтурмыш (352) 'он дома сидел в одиночестве'; *мал таўарлар* (443) 'богатство и имущество'.

В ялтинском и стамбульском списках совпадает передача в графике деепричастия на *-у//-йу*.

В ялтинском списке: *хатуны йыелайу башлады* (34) 'его жена начала плакать'; *бару билмӓдин* (42) 'не сумев пойти'.

В стамбульском списке: *Муҳӓммад тейӱ чақырур ӓрди* (97) 'он кричал: Мухаммад'; *тақы бару башлады* (354) 'он начал идти'.

Почти все лексические и грамматические архаические элементы совпадают с соответствующими явлениями, имеющими место в сочинении "Хосрау и Ширин" Кутба.

Примеры из ялтинского списка: *битиг* 'письмо', *қуруғ* 'сухой', *қатында* 'возле', 'при', *ингӓн* 'много', 'очень', *қайра* 'снова', *битигчи* 'писец', *қапуғ* 'дверь', *нӓ йӧндин* 'почему', *ӱчӓгӱ* 'втроем', *өкӱш* 'много', *тегмӓ* 'все', 'каждый', *теки* 'до', *өнгин* 'другой'.

Примеры из стамбульского списка: *өкӱш узурлар колды* 'просил много извинений', *қараваш* 'рабыня', *агыр баҳалар берип* 'заплатив очень дорого', *қатына кирди* 'он вошел к нему', *мени ингӓн қаҙвуртур* 'меня очень огорчает' и т.д.

Лексические материалы "Нахдж ал-фарадис" собраны автором в исторических словарях, созданных им на материале тюркоязычных литературных памятников XI—XIV вв.